

В Л. Л И Д И Н Ъ

ПОВѢСТИ
О
МНОГИХЪ ДНЯХЪ

„ОГОНЬКИ“



Всѣ права сохранены за авторомъ

Типографія Sinaburg & Co., G. m. b. H.
Berlin SW 68 / Alte Jakobstraße 129

ВЛ. ЛИДИНЪ

ПОВѢСТИ
О
МНОГИХЪ ДНЯХЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОГОНЬКИ“
БЕРЛИНЪ
1923

ПОВѢСТИ
О
МНОГИХЪ ДНЯХЪ

Были годы метельные, были дни сизо-молочные; ночи пушистыя, цыганскія. Русская метель, исконная, все мотала, мотала жемчужными рукавами — надъ городомъ, надъ вокзалами, надъ путями дольными. Въ дольний путь уходили экспрессы; на вокзалахъ, подъ сиренево-мутнымъ свѣтомъ, прощались у международнаго: за зеркальными стеклами было свѣтло, тепло, покойно; проходилъ проводникъ; зимнія розы въ шелковой бумагѣ пахли слабо: мѣха, розы, запахъ шипра. Молодожены ѣхали во Флоренцію; адвокатъ въ Киссингенъ — отдыхать, лечить желудокъ; представитель фирмы возвращался въ Берлинъ; социаль-демократы на съѣздъ; пока что бѣгали съ чайникомъ за кипяткомъ.

Метель мела, поѣздъ ревѣлъ, шелъ: путь ночной, инейный. Въ вагонъ-ресторанъ пили кофе, вино; пахло сигарами, жаркимъ; кофе плескалось, въ купэ уже спускали на ночь синіе чепчики на фонари. Молодые стояли у окна, на полутемной площадкѣ, щека касалась щеки; смуглая парча искръ лилась въ мути

за окномъ. Проводникъ стелилъ свѣжія, холодныя простыни; представитель фирмы игралъ съ адвокатомъ за маленькимъ столикомъ въ безикъ; поѣздъ шель, шель, качался, ревлѣ; зимніе полустанки, станціи съ жидкимъ свѣтомъ, съ кіосками съ вѣрами газетъ, съ пожарскими котлетами, надъ которыми склонялся котелокъ коммивояжера. За станціей — городъ, черный, затерянный; голодные извозчики въ саночкахъ расписныхъ; два-три огня. Кто жилъ въ этомъ городѣ, чѣмъ жилъ, кого любилъ, кому молился? Люди утромъ просыпались въ провинціальномъ городѣ, видѣли иней, мохнатыя проволоки; крестились, зѣвали; ставили самовары, пили чай; шли въ церковь; шли на службы; стряпали; щелкали въ клубѣ на билліардахъ; пили водку съ тостами либеральными — за просвѣщенное земство; возвращались, заваливались; одни пѣтухи не спали, сторожили, перекликались. По ночамъ ревлѣли экспрессы, приходя, отходя; телеграфныя столбы ныли сыро. Поѣздъ шель дальше: утромъ вдругъ свѣтлѣло солнце, снѣгъ бурлѣ; проѣзжали ночью въ кареткѣ черезъ Варшаву золотую, безсонную — черезъ спящую Вислу. Потомъ были: Берлинъ, сѣрокаменный, двуглавый, императорскій—паноптикумы свѣтились, такси крикали; Генуя, крикливая, синяя Адриатика — три ступеньки въ фьезде, гдѣ терпкое вино, запахъ лука; горбоносый Римъ и лавочки антикваровъ за Тибромъ: куски тканей, эмаль, стертая драхма Юстиніана; стеклянно-синяя Венеція со своей стоячей водой, лагунами, зеленоватыми на закатѣ, — у окна гостиницы смотрѣли молодожены на зеленый венеціанскій закатъ — и жизнь вставала долгими годами любви, содружества, счастья...

Адвокатъ утромъ ходилъ къ источнику, пилъ горькую воду ракочки, дѣлалъ моціонъ — пять разъ впередъ-назадъ по аллеѣ, — на склонахъ темнѣли руины, замокъ Боденлаубе, съ Шварцвальда дулъ вѣтерокъ: Шварцвальдъ лежалъ позади отрогами чернозелеными, скатами, глушью, тѣнью Гейне. Представитель фирмы въ Берлинѣ сидѣлъ въ Винтергартенѣ, поглаживалъ бѣлый усикъ, на сценѣ проходили солдатики, отдавая честь, съ круглыми задами, косилась задорнымъ глазомъ: милая Мицци, которую ожидалъ за столикомъ; моторъ везъ ихъ черезъ городъ, сквозь аллею Побѣдъ, гдѣ стояли каменные, каменнозорые императоры. Политическій дѣятель въ салонѣ двумъ дипломатамъ, одному патеру развивалъ теорію экономическаго сближенія, — патерь качалъ головой, послѣ ужина были: танго-американъ, танго-аргентинъ, ту-степпъ.

Въ провинціальномъ городѣ гласные думы обсуждали въ седьмой разъ вопросъ о канализаціи; гласные раздѣлились на партіи: на одну встала бюджетная коммиссія — либералы, на другую — правые: жили безъ канализаціи испоконъ съ выгребными ямами — проживутъ еще сто: лучше деньги ассигновать на читальню трезвости. Въ городѣ строили читальню трезвости, въ винныхъ лавкахъ торговали, стояли очереди. Въ жандармскомъ отдѣленіи сидѣлъ полковникъ въ синихъ штанахъ, жандармъ съ сѣдыми подусниками прогуливался по вокзалу.

Деревни лежали въ снѣгахъ, поѣзда проходили мимо: горбатая крыша, овины въ снѣгу, журавли колодезевъ, торчащіе въ небо. Мужики у волостного толпились, стояли розвальни: вызывали судиться, отчитываться, собирать недоимки. Государь, съ приборомъ,

въ гусарскомъ ментикѣ красномъ, смотрѣлъ со стѣны: мужики снимали шапки, крестились, чесали лохматые головы, тяжелые отъ заботъ; жеребята жались къ шершавымъ матерямъ бездумно. Мужики отъ заботы шли въ винную лавку — сидѣлецъ давалъ сдачу грошики; назадъ ѣхали съ пѣснями, розвальни раскатывало. На постояломъ у цѣловальника требовали еще пузатый зеленый стаканчикъ; въ лѣсахъ подвывали волки; на небѣ была комета, павлиній хвостъ свѣшивая: общала гладь, морь, засушье. Комета плыла медленно, серебряной кистью расписывая небо. Въ деревняхъ появились кликуши, пришелъ попъ-разстрига Григорій, предвѣщалъ муки адовыя, бабамъ брюхатымъ быть жабами, лягушами; мужикамъ — идти на войну. Мужики шли въ винную лавку запивать комету, предсказъ.

Въ Москвѣ иней падалъ алмазно, дрожалъ надъ Тверскими, Ямскими, Всехсвятскимъ. По Тверскимъ едоль звякали глухари, тройки везли къ оранжево-золотистому Яру: въ расписныхъ саняхъ сидѣли Зоя Ярцева — прелестная, темноглазая, адвокатъ, актеръ Васинъ, приватъ-доцентъ Якоревъ. Зоя куталась въ мѣхъ, слѣды гримма еще были у глазъ, подведенныхъ, затаенно-цыганскихъ. Адвокатъ, въ распахнутыхъ бобрахъ, подъ которыми бѣлоснѣжная фрачная грудь сіяла, наклонялся, говорилъ на ушко — глаза Зои становились темнѣе, туманнѣе. Васинъ-простачокъ хохлился — въ Прагѣ выпили, настраивался выпить еще; Якоревъ говорилъ, спорилъ самъ съ собой — вытягивалъ руку патетически: выбритый, съ сѣро-желтыми волосами, гладко притертыми отъ пробора, съ личикомъ скопческимъ въ продольныхъ морщинкахъ. Премьера, гдѣ Зоя выступала, имѣла успѣхъ: автора вызывали, вызывали Зою;

съ авторомъ за руку она выходила кланяться. Автора повезли ужинать въ клубъ: въ старомодной визиточкѣ, опьяненный, волшебный — глядѣлъ сквозь чудесный туманъ, — всѣ были ласковые, близкіе, добрые. Подали шампанское, съ сосѣднихъ столиковъ оглядывались — жизнь восходила чудесно, умопомрачительно, общала радость, славу, богатство. Въ третьемъ часу съ женой подъ руку возвращался пѣшкомъ по чернымъ улицамъ московскимъ; снѣгъ выпалъ, бѣлѣлъ; деревья надъ Пречистенскимъ, надъ укутаннымъ въ снѣгъ Гоголемъ, нависли коридоромъ бѣлымъ, кружевнымъ; отъ Храма Спасителя вскорѣ пахнуло широкимъ вѣтромъ, просторомъ: весна шла. Съ женой подъ руку, въ старой шубкѣ, милой, знакомой, — вышли къ рѣкѣ. За-московорѣчье лежало во мглѣ тончайшей; зубчатая стѣна, башни терялись; дворцы императорскіе стояли темные, великолѣпные. Вѣтеръ надъ рѣкой проносился. Такъ стояли, прижавшись, какъ въ дальніе годы, когда впервые сблизились милые уста, покорные. Въ театрѣ огни ужъ потушили, было черно, зіяла сцена. Журналистъ въ редакціи, грудью на столѣ, писалъ рецензію: въ пьесѣ не было дѣйствія, плохо очерчены основныя фигуры; Зоя Ярцева тона не нашла.

Въ Прагѣ, уже персиковой отъ приспущенныхъ шторъ, въ кабинетѣ все еще банкетъ продолжался: знаменитаго французскаго поэта, вислоусаго, чествовали; кстати говорили о великомъ содружествѣ Россіи и Франціи. Поэтъ чокался, мокалъ усы, держался за печень, смотрѣлъ осовѣло, поправлялъ брюки сползавшія. Журналистъ съ карандашикомъ пристроился сзади, просилъ высказать свое мнѣніе о великой русской литературѣ; другой съ другого бока сладкоголосого допраши-

валъ: возможна-ли европейская война. Война была возможна, русская литература была великой. По лѣстницѣ вестибюля, по красной дорожкѣ, спускались медленно; цвѣли гіацинты въ горшкахъ, мохнатыя гортензіи; извозчики у подъѣзда приплясывали, лошади подъ попонами, съ курчавыми отъ инея мордами ожидали. Развозили вскорѣ — въ снѣгъ, тьму — парочекъ: скучающихъ и влюбленныхъ. У Яра былъ номеръ программы 15-й, предпоследній: негритята выстукивали чечотку, отщелкивая подошвами. Столики бѣлѣли, шампанское зацвѣтало — золотыми цѣпочками.

Зоя Ярцева, адвокатъ ужинали за сдвинутыми столиками въ компаніи: Мэри Рундальцева, выкрасившая волосы въ рыжій цвѣтъ, разведенная жена адвоката, кокаиистка, картежница; миллионеръ Крушинскій, съ бородой ассирійской, подъ третьей опекой, съ автомобилемъ оранжевымъ, виллой съ плафонами, расписанными знаменитыми. Адвокатъ говорилъ тостъ: за женщинъ, за искусство, — пластронъ фрачной рубахи его выгибался; египетскія папиросы обростали пушистымъ пепломъ. Струны лилились мучительно. Нѣкая мечтательность, хмель проплывали.

Въ черной открытой машинѣ ѣхали дальше: въ Стрѣльну. Иней вспыхивалъ, елки подъ снѣгомъ стояли рождественскія. Крушинскій, выставивъ бороду, глядѣлъ туманно, не отрываясь, въ черные порочные глаза; рука его коснулась мягкаго колѣна: нога не дрогнула, Мэри глядѣла мимо, улыбаясь тайно. Зоя подставляла вѣтру худое напудренное лицо, больные глаза прекрасные, вяло обведенные, распахнула шубку, жемчугъ на шеѣ матово дымился. Въ Стрѣльнѣ сразу пахнуло сырымъ тепломъ, хрустящимъ запахомъ жарко-

го; черныя поддевки суетились, мѣха, бобры, соболя спадали на ихъ руки. Зеркало погружало въ ртутную глубь: плечи женщинъ, открытыя, фраки, ногу въ шелковомъ чулкѣ, въ лаковой туфелькѣ. Внизъ сходили медленно: къ гротамъ. Розовый студентъ въ зеленомъ тугомъ сюртукѣ посмотрѣлъ, пригубилъ изъ стаканчика. Парочки сидѣли въ гротахъ, красное, зеленое, желтое — вспыхивало въ рюмкахъ, бокалахъ, стаканахъ. Румынка, въ пестромъ платкѣ, глядѣла внизъ, со складкой на бѣлой сливочной шеѣ. Подъ пальмами пили кофе, кофейникъ плевался подъ стеклянною крышкою; разминали на нѣбѣ терпкій маслянистый ликеръ.

Адвокатъ утромъ выступалъ защитникомъ въ нашумѣвшемъ процессѣ: дѣло объ отравленіи знаменитой королевы брилліантовъ, — королева брилліантовъ каталась на скетингѣ, познакомилась, влюбилась: недавній учитель, съ перхотнымъ проборомъ, разодравшимъ липкіе желтые волосы, отравилъ ее. На скетингѣ катались попрежнему: колесики шуршали ровно, асфальтовый ледъ сѣрѣлъ, старичокъ выдѣлывалъ па. Мэри изъ Стрѣльны звала дальше: возбужденные ликеромъ, съ бьющимися сердцами отъ чернаго кофе, ѣхали сквозь жемчужную ночь дальше. Въ ночномъ трактирѣ играли два гармониста; Стеша, некрасивая, съ глазами прекрасными, выступала, подбоченясь. Разсвѣтъ въ колючемъ инеѣ мутнѣлъ, — возвращались назадъ въ городъ: курчавыя тройки, любовь цыганская. Въ городѣ людъ ужъ спѣшилъ; пахло хлѣбомъ; адвокатъ заѣзжалъ домой умыться, переменить сорочку — передъ выступленіемъ. Присяжные въ буфетѣ суда пили чай; подсудимаго везли въ судъ: рыжебровый, веснушчатый, онъ глядѣлъ на все равнодушно — отъ ко-

каина отвыкалъ, томился. Въ послѣднемъ словѣ заявилъ вдругъ, что королева брилліантовъ была больна, его заразила — въ судѣ всполошились, дѣло подлежало дослѣдованію. Городъ уже служилъ, торговалъ; на ипподромѣ проѣзжали бѣговыхъ лошадей, спицы американокъ сіяли; въ утреннихъ кафе потертые молодые люди черкали бѣговую афишу помѣтками.

Въ деревняхъ трубы дымились, мужики ѣхали въ лѣсъ, въ судъ. По Кронверкскому въ черной каретѣ проѣзжалъ великій князь: часовые у дворца каменѣли. Знаменитый мистеръ Круксъ давалъ матчъ бокса: въ мутной залѣ, со стекляннымъ потолкомъ, запрыгалъ, замахалъ кожаными кулаками; противникъ тоже запрыгалъ, норовилъ ткнуть подъ ложечку; наконецъ, изловчился, ткнулъ; мистеръ Круксъ упалъ, лежалъ восемь секундъ — на восьмой вскочилъ, снова запрыгалъ, ударилъ противника въ ухо: противникъ упалъ, лежалъ 13 секундъ — мистеръ Круксъ былъ побѣдителемъ.

2

Адвокатъ, Мэри съ курорта едва выбрались; вещи ихъ швыряли; на вокзалѣ сидѣли на вещахъ; съ мѣрнымъ топомъ, подъ трубы, маршемъ торжественнымъ ряды проходили, каски прокалывали небо. Двуглавый орелъ простеръ крылья: подъ крыльями собирались въ походъ, трубили, плакали, уходили. Артиллерія громыхала. Громомъ грознѣйшимъ раскатывались барабаны: сухимъ трескомъ тревоги. На седьмой день, изнуренныхъ, наконецъ, привезъ товарный въ Москву.

Въ Москвѣ площадь была забита подводами — лошадей мѣтили, вымѣряли, забирали; офицерамъ давали

дорогу. Адвокатъ ѣхалъ на извозчикѣ—навстрѣчу проходили ряды со штыками; вечеромъ, подъ вспыхивающей рекламой, читали послѣднія телеграммы: русскія войска двигались, врагъ бѣжалъ. Черная толпа по Тверской ползла взадъ-впередъ; вывѣски вспыхивали, офицеровъ качали; въ клубѣ обнимались, жали руки — за сдвинутымъ длиннымъ столомъ, съ остатками осетрины, салата — говорили рѣчи. Подъ предсѣдательствомъ генерала на экстренномъ закрытомъ совѣщаніи промышленники поклялись: все отдать на защиту страны — перевести фабрики, заводы на военную ногу, — требовали: заказовъ, авансовъ, ссудъ. Фабрики задымались, окутанныя дымомъ чернѣйшимъ, — лягушечья ткань полилась, свинцовые брелочки, латунныя пуговицы, костыли прочнѣйшіе — заколотилось, растянулось въ машинахъ, аккуратно складывалось. Изъ деревень самарскихъ, симбирскихъ, рязанскихъ, тамбовскихъ — гнали, бабы выли, — мужики шли серьезные, трезвые: грузились. Лѣто было сушливое; поѣзда длиннѣйшіе увозили: отъ полей родныхъ, деревень, пахоты. Артиллерія уже стучала, распахивала новую пахоту. Въ казармахъ лежали вповалку, въ дыму махорочномъ: утромъ выстраивали, гнали за городъ; за городомъ бѣгали, ложились, окапывались, стрѣляли. Зарево надъ землей далеко полыхало — шли болотами, по шоссе, — обозы растягивались; на обочинахъ присаживались, разматывали онучи, примачивали стертые ноги.

Поѣздъ сѣрый, санитарный, шелъ ровно; въ поѣздѣ Мэри, въ косыночкѣ, ѣхала, распоряжалась, обѣдала съ врачами, сестрами въ вагонѣ-столовой. Уже много погнали тамбовскихъ, рязанскихъ, симбирскихъ — при-

возили ихъ сѣрые поѣзда назадъ: въ бѣлыхъ чалмахъ, въ марлѣ, съ культяпками, на костыляхъ; грузили въ вагоны трамваевъ, студенты суетились. Корявые, больные, перевязанные сидѣли у оконъ, смотрѣли: городъ сизѣлъ, мужчины съ женщинами въ мѣхахъ проѣзжали въ саняхъ, окна магазиновъ свѣтились; изъ трамваевъ перетаскивали въ лазареты: въ лазаретахъ лежали, писали письма, глазѣли въ окна; нарядныя дамы въ косыночкахъ сострадали, писали письма на родину. Спустя мѣсяцъ — блѣдные, небритые — выползали, ковыляли съ костылями, мѣшали проходящимъ.

Другіе шли на смѣну, лежали въ окопахъ, свертывали собачьи ножки, стрѣляли, лѣзли на горы въ снѣгахъ, втаскивали орудія на себѣ; сырыя облака вздувались изъ разсѣлинъ влажными брюхами, сѣрый мыщастый непріятель отступалъ, виднѣлся въ долинахъ — уползалъ змѣями обозовъ, бросалъ раненыхъ; плѣнныхъ гнали толпами. Рязанскіе, тамбовскіе шли дальше: по горамъ, доламъ, въ снѣгу — завоевывать, побѣждать.

Санитарный поѣздъ пришелъ на станцію, сталъ, поднялъ флагъ. На фронтѣ было тихо, пока пострѣливали; мимо проходили, проходили поѣзда: въ поѣздахъ пѣли пѣсни, топили печурки, топали лошади, стояли на платформахъ укутанныя орудія. Санитарный закусчалъ — наступленія не предвидѣлось, непріятель отсиживался, занимался своими дѣлами. Въ санитарный пріѣхали къ обѣду изъ штаба дивизіи; повара пылали, въ печахъ трещало, хрустящая индѣйка была коричневая, съ корочкой; изъ аптеки по рецепту для медицинскихъ нуждъ выдали спиртъ, коньякъ — для выздоравливающихъ. Обѣдали въ вагонѣ-столовой, Мэри въ косыночкѣ распорядилась. Дивизионные — все бравые,

отличные щеголи выпили: за побѣду, за Россію, за женщинъ. Индѣйку подавали на подносѣ широченномъ; лежала коричневая, увѣренная, въ бумажныхъ манжеткахъ.

Послѣ обѣда вышли пройтись. Небо синѣло, снѣжокъ поблескивалъ; вдругъ сзади бухнуло, въ небѣ распухъ бѣлый дымокъ — серебряно-бѣлая пичуга, еле видимая, пролетала; бухнуло спереди, сбоку — дымки размазались: въ бѣлыхъ дымкахъ серебряно-бѣлая скользнула, сзади вдругъ завизжало, стало визжать противно, смертно — земля раскололась, задымилась. Дивизіонные бѣжали къ блиндажамъ; въ блиндажахъ, сырыхъ, могильныхъ, сидѣли, выжидали, сразу стало душно; земля еще раскололась — потомъ стало тихо: пичуга улетѣла. Небо было синее, снѣгъ бѣлъ; изъ дыма выносили: обрывки шинели, развороченное чрево, изъ котораго синія внутренности лѣзли. Дивизіонные обѣщали наказать за налетъ; передъ вечеромъ, погулявъ, уѣхали. Мэри на ночь расплетала волосы, посмотрѣла въ зеркало близко въ черные свои глаза, засмѣялась: полковникъ изъ дивизіи былъ молодъ, смѣлъ, глядѣлъ дерзко. За окномъ паровозы гукали; вдругъ далеко въ тмѣ бухнуло, прокатилось. Мэри подошла къ окну, откинула занавѣску: тьма всколыхнулась, снова ухнуло, заухало, тьма полыхала; небо вспыхивало розовато — все постепенно перешло въ вой, стало выть въ ночи. По коридору прошли быстро; Мэри отодвинула дверь: врачъ немолодой, будиль, велѣлъ готовиться — принять къ утру раненыхъ. Артиллерія била; въ поѣздѣ готовились. Мэри передъ зеркаломъ поправляла косыночку: вдругъ почувствовала, что все лишнее — и косыночка, и она сама.

Къ утру, по взрытой, тоскующей землѣ, началось наступленіе. Приказъ изъ штаба фронта былъ полученъ три дня назадъ; три дня тайно смѣняли части, передвигали батареи, въ четыре утра приказъ о наступленіи былъ оглашенъ. Наступленіе начиналъ 34-й стрѣлковый. Полкъ вышелъ изъ окоповъ, развернулся цѣпью; впереди было взрытое поле, съ жухлой ботвой картофельной; небо было сѣрое, низко. Люди не выпались, зеленые, въ бурыхъ шинеляхъ, съ инеемъ на плечахъ, начали перебѣжку; окопы непріятеля шли по взгорью, ломались, укутанные кольями, проволокой. Артиллерія по кольямъ была съ трехъ ночи: проволока перепуталась, торчала ежами вокругъ волчьихъ ямъ; сбоку вдругъ противно застучало, застучало съ взгорья, — мужикъ симбирскій, большебородой, сѣлъ, схватился руками за животъ, другой легъ бочкомъ, уснулъ подъ стукъ. Цѣпи сбились, первая добѣжала до кольевъ, запуталась, рвала—по ней били; вторая набѣжала, полѣзла на первую, все перепуталось, съ боковъ стучало методически,—съ ревомъ, воемъ остатки лѣзли въ окопы; изъ окоповъ торчали сѣрые кэпки, въ ходахъ сообщенія кипѣло, билось... Потомъ были: окопы съ банками изъ-подъ консервовъ, разсыпанными патронами, флягами, — молодой офицеръ лежалъ на кучѣ земли въ подтяжкахъ: подбородокъ у него былъ дѣтскій, чистый. Подтяжки сняли, сняли рубаху, острымъ розовымъ соскомъ лежалъ къ небу. Въ штабѣ писали телеграмму о побѣдѣ; поручиковъ Воскобойникова, Ратцеля, Мустафа-Оглы представляли къ Георгію. Покойниковъ сносили: въ глиняной ямѣ была вода, ихъ складывали, вода мутилась; по-

томъ лежали плотно, доверху; батюшка покадилъ, продребезжалъ простуженнымъ голоскомъ; яму закопали.

Раненыхъ къ поѣзду привезли къ вечеру: раненые были покорны, серьезны, блѣдны. Въ операціонной, на бѣломъ столѣ, бѣлый врачъ раскладывалъ, кипятилъ. Принесли рязанскаго, всего въ поту, въ синихъ жилахъ муки на лбу; подъ маской задышалъ часто, уснулъ; врачъ ногу развороченную, въ клочьяхъ, потрогалъ — изъ клочьевъ торчали бѣлые куски кости, — врачъ лохмотья срѣзалъ, рѣзалъ части, ровно, кость острой пилочкой сталъ пилить, перепилилъ, — все бросили въ тазъ, закидали ватой: изъ ваты торчали жесткіе желтые пальцы въ мозоляхъ; рязанскаго оставили жить, любить, трудиться. Мэри заперлась въ купѣ, нюхала нашатырь, изъ нашатыря, дурноты вставали: молодость, безлюбіе, грѣхъ.

Поѣздъ раненыхъ отвезъ въ городъ прифронтовый; въ городѣ дулъ вѣтеръ, штабные гуляли по главной улицѣ взадъ-впередъ: сивые солдаты сбѣгали на мостовую, становились во фронтъ, бѣжали дальше. Офицеры приѣзжали съ позицій: брились, заходили въ кафе, знакомились съ дѣвками. Въ канцеляріяхъ стучали машинки, — въ саняхъ, съ лошадами шершавыми, съ санитаромъ въ желтомъ кожухѣ на козлахъ, разѣзжали по городу: съ зелеными крестиками, съ красными, съ вензелями на погонахъ. Уполномоченные принимали въ кабинетахъ; казаки верхами прогоняли черезъ городъ шпіона съ связанными за спиною руками — высокого, спокойнаго, свѣтлоусаго. У врача былъ пріемъ: опустивъ глаза, офицеры сидѣли въ пріемной, ждали очереди. Штабные вечеромъ съ дамами заходили въ рестораны, въ кинематографы. Городъ былъ черенъ, окна

занавѣшаны; на вокзалахъ гукали паровозы; улицы обрывались въ поле: оттуда несло холодомъ, близкимъ таяньемъ. Въ кинематографѣ показывали драму съ участіемъ знаменитыхъ: дочь графа попала въ руки шантажиста, любила, была обманута, брошена: было—большое лицо дочери графа: изъ начерненныхъ рѣсницъ капнула, поползла настоящая слеза.

Командующій фронтомъ днемъ проѣзжалъ въ коляскѣ съ адъютантомъ, офицеры козыряли, — 34-й пѣхотный, пополненный, готовили къ новому наступленію: выдавали хорошія порціи, чтобы солдаты добрѣли. Когда солдаты подобрѣли, полкъ снова двинули въ наступленіе.

Санитарный стоялъ на станціи, дожидался; огней не было, артиллерія выла. Солдаты стояли въ окопахъ; стрѣляли въ тьму; подъ небомъ расцвѣтали, лопались зеленоватымъ, краснымъ ракеты. Къ тремъ ночи изъ тьмы поползло тончайшее облако; линіи окоповъ зардѣлись кострами, солдаты сбились, бросились къ водѣ, мочили маски, надѣвали; газъ ползъ, ползъ, расползался. Въ деревнѣ у костровъ стояли коровы, лошади съ мокрыми тряпками на мордахъ; солдаты подъ масками задыхались, багровѣли, рвали на себѣ воротъ; къ пяти вторая волна прошла. Разсвѣтало; въ воздухѣ пахло нѣжно, вишней; въ окнахъ лежали, корчились, пѣна лѣзла изъ губъ, глаза были выпучены. Поѣздъ принималъ отравленныхъ, грузился; на утро шелъ быстро, погромыхивая. Поля, поля въ снѣгу, цѣпи обозовъ растягивались. Небо голубѣло, обѣщало мартъ, близкую весну. Мэри ходила по поѣзду, воображала, какъ расскажетъ въ Москвѣ обо всемъ: о ночныхъ бояхъ, о войнѣ, о крови.

Въ Москву прїѣхали на пятый день, утромъ. Была масленица; магазины были закрыты; проѣзжали голубки съ колокольцами; въ домахъ пахло блиннымъ чадомъ. Мэри съ вокзала поѣхала домой; еще въ шубкѣ стала звонить по телефону: Зоѣ, Нинѣ Рогожиной. Обѣ прїѣхали черезъ часъ, нарядныя, московскія, оживленныя. У Нины въ домѣ былъ лазаретъ, — Зоя, наконецъ, побѣдила: выступала съ успѣхомъ, о ней писали. Вечеромъ, въ 7, звала къ себѣ на блины: будутъ всѣ, рады будутъ увидѣть, послушать о войнѣ. Скоро обѣ уѣхали. Мэри принимала ванну, легла въ теплую воду, вытянулась, закрывъ глаза; позади были — кровь, война, смерть; здѣсь встрѣтила жизнь, милая, знакомая, московская. Въ пять пришла маникюрша, дѣлала ногти, водила замшевой подушечкой, рассказывала новости, сплетни; въ шесть пришелъ парикмахеръ, Жозефъ: прежній, печальный: забирали на военную службу, просилъ похлопотать. Три дамы за него уже хлопотали — были незамѣнимъ. Мэри общала горячо — хлопотать, спросила фамилію: М-сье Жозефа звали Петръ Ивановичъ Огуречниковъ — это ее кольнуло.

Въ семь, на рѣзвѣ извозчикъ, подъ звяканье сбури, она ѣхала къ Нинѣ. Москва была прежняя: талая; мальчишки продавали мимозы, желто-пыльные, въ іодоформѣ. У Нины въ гостиной, съ бюстомъ коненковскимъ, съ розово-аляповатыми цвѣтами Кончаловскаго въ смуглой рамѣ — въ креслицѣ сидѣлъ, вытянувъ ноги, Крушинскій, подтощавшій: желтый автомобиль его смѣнялся постепенно: сначала лихачами, потомъ рѣзвыми извозчиками, потомъ просто ваньками — сивая кобыленка плелась, какъ попало, въ низкихъ саняхъ сидѣлъ въ мягкой мерлушковой шапкѣ, съ кра-

шенной бородой — покровитель художниковъ. За обѣдомъ профессоръ-богословъ поднималъ тостъ за Россію Богородичную, — всѣ поднялись, чокнулись. Война затягивалась, русскія войска отступали: раздѣтыя, голодные, безоружныя. Профессоръ поливалъ блинъ, закладывалъ сметаны, семгу—закатывалъ, говорилъ, поднимая вилку, о Платонѣ Каратаевѣ. Нина послѣ обѣда повела показывать лазаретъ: лазаретъ былъ въ залѣ, съ лѣпнымъ потолкомъ. Раненые лежали, сидѣли въ холщевыхъ халатахъ, бродили съ костылями; вошли всей толпой — во фракахъ, въ открытыхъ платьяхъ — запахъ шипра, келькъ-флёра пронзилъ іодоформъ, — раненые поднимались, поворачивали головы съ черными глазами, небритыми подбородками. Кофе послѣ осмотра пили въ гостиной — адвокатъ убѣдительно, жестомъ округлымъ, доказывалъ, что проливы Россіи необходимы — рисовалъ въ воздухѣ пальцемъ: Черное море, проливы. Кофе въ чашечкахъ дымилось; мимозы въ высокихъ вазахъ сыпали желтую пыль. Нина собрала дамъ вокругъ, рассказала таинственно, что въ Лефтортовѣ появился ясновидящій: предсказалъ всю судьбу, напомнилъ изъ прошлаго даже то, что забылось. Дамы загорѣлись, рѣшили на утро поѣхать, — Крушинскій обѣщалъ машину изъ Земскаго гаража.

На другой день, подъ солнцемъ февральскимъ, ѣхали: Мэри, Нина, Крушинскій. Раненые изъ лазаретовъ выползали на солнце; афиши на стѣнахъ взывали о военномъ займѣ: въ Благородномъ собраніи въ пользу инвалидовъ, раненыхъ—жертвъ войны—было аллегри: за серебряными самоварами дамы улыбались неживыми прическами работы Жановъ, Жозефовъ, Базилей, красными губами, вырѣзомъ съ мягкой межой. Солдаты съ

фляжками, съ сумками перегородили дорогу: шли на вокзалъ съ терпкимъ духомъ пота, овчины, сапогъ. Автомобиль изъ Земскаго гаража съ краснымъ крестомъ ѣхалъ дальше: въ Лефортово. Въ снѣгу, въ серебрѣ еще показались сады Лефорта, Военная гошпиталь съ Сенекой, съ чашей въ рукѣ и змѣей вокругъ палки у входа: ясновидящій жилъ у Нѣмецкаго кладбища.

Дамы поднялись по скрипучей лѣсенкѣ; въ низкихъ комнатахъ было жарко, въ окнахъ на ватѣ лежала пестрая шерсть. Мэри въ комнату сосѣдную вошла первой, поклонилась. Ясновидящій предложилъ сѣсть на стулъ; на пустомъ столѣ передъ нимъ лежалъ косяной шарикъ. У ясновидящаго голова была выбрита, проростала густымъ синеватымъ волосомъ; губы подчеркнуты черными усами были красныя: подбородокъ синій, глаза магнетическіе. Мэри сѣла напротивъ — ясновидящій взялъ ее за руку, сталъ смотрѣть на шарикъ, сосредоточился, просилъ задавать вопросы. Мэри спросила, что ее ожидаетъ. — Путешествіе и неожиданная встрѣча. — Чѣмъ кончится война? — Пораженіемъ. — Что ожидаетъ Россію? — Распадъ, потомъ соединеніе, снова распадъ и соединеніе, уже навсегда. Все было необычайно, туманно-магнетическіе глаза блестѣли. Мэри, Нина возвращались задумчивыя, Крушинскій былъ оживленъ — ясновидящій обѣщалъ ему скорую удачу, богатство: безъ денегъ изнывалъ, въ Стрѣльнѣ еще отъ однихъ печныхъ денегъ до другихъ тянулъ счетъ. Въ аллегри колеса вертѣлись, бумажки-пустышки развертывались, — пѣвцы, блистая выгнутой грудью, пѣли, — толпа двигалась, жаркая, липкая, пила, путалась въ серпантинѣ, багровѣла лицами; счастливца, выигравшаго корову, качали. Изъ аллегри везли дальше: въ кабаре,

съ стекляннымъ потолокомъ, освѣщеннымъ: внизу сидѣли, задирали головы — наверху танцовали въ однихъ легкихъ юбочкахъ... Везли дальше, къ Трубной, — лихачи стояли рядками, лошади въ зеленыхъ пополахъ, въ воротахъ матовыя двери чуть свѣтились: тайно, призывно, томительно.

Полки: 13, 24, 7 стрѣлковые сползали: обмерзшіе, беззащитные, разбитые; позади были снѣга, ущелья, бои. Раненыхъ, обмороженныхъ бросали. Въ деревняхъ ловили евреевъ — въ лапсердакахъ, блѣдныхъ, голодныхъ: обвиняли въ шпіонажѣ; утромъ двое казаковъ верхами гнали къ околицѣ. Измѣна была всюду — отъ измѣны все гибло, катилось внизъ, — солдаты знали, что все отъ измѣны. Обозы полковъ перехватили, шли безъ обозовъ, дни были трудные: въ туманѣ, въ инеѣ. Прапорщика Колпакова везли въ двуколкѣ: въ животѣ былъ шрапнельный осколокъ. Прапорщика трясло, бросало — синій, закусивъ губы, онъ стоналъ, кричалъ, затихалъ; на привалахъ рану перевязывали, липкій отъ пота, онъ обмиралъ, скрипѣлъ зубами; къ вечеру третьяго дня, послѣ тридцативерстнаго перехода, рана начала пахнуть; фельдшеръ разматывалъ бинтъ: рана по-краямъ была темная, черноватая; фельдшеръ успокоилъ, перевязалъ, отошелъ, перекрестился. Черное пятно за ночь переползло съ живота подъ сосокъ лѣвой груди, — прапорщикъ Колпаковъ трясся, мертвѣлъ, плакалъ. На пятый день, въ галиційской деревушкѣ, сожженной, его хоронили; песокъ, глина желтѣли; въ досчатомъ гробу лежалъ — съ синимъ лицомъ, синими губами, прилизанными височками: успокоенный. Въ чемоданѣ его ѣхали дальше: бритва, папахъ, рубаха съ мѣткою В, томикъ Блока, три письма: недописан-

ныхъ. Утромъ священникъ кадилъ: въ длинныхъ рвахъ глинистыхъ лежали съ голыми пятками — сапоги снимали, русоволосые, бѣлокурые: прапорщики армейскіе, мужики костромскіе, переправившіеся въ иную губернію: не голодающую.

Въ черной избѣ сидѣлъ на печи дѣдъ, столѣтній; молодухи чернолицыя пускали въ избу проходящихъ равнодушно: ночь спали, утромъ шли дальше, другіе смѣняли; вечеръ меркъ, ранній, — по улицѣ шныряли солдаты дѣловито, — въ сѣняхъ шушукались: солдатъ отсчитывалъ 25 копеекъ, молодуха равнодушно шла съ нимъ въ закуту: тамъ парнишка выплескивалъ всю свою тяготу, муку любовную: по оставленной Парашкѣ, Машухѣ; шелъ назадъ сытый, пустой — черезъ мѣсяцъ врачъ въ бѣломъ халатѣ осматривалъ, хмурился, назначалъ въ госпиталь.

Полки откатывались, рѣдѣли, таяли; изъ далекой Сибири гнали пополненіе: пополненіе, мелкорослое, ѣхало въ товарныхъ вагонахъ, топило печурки, бѣгало на станціяхъ за кипяткомъ, училось, гналось въ бой: въ бою сразу терялось, лѣзло кучами, гибло по-овечьи. Въ Петербургѣ, въ министерствѣ, звякали шпорами, докладывали, засѣдали, приказывали, подчинялись; военный министръ, коротко-остриженный, листалъ бумажки пухлой рукой, ставилъ помѣтки, — адъютантъ, наклонившись сзади, бумажки подкладывалъ. Министръ приказывалъ: наладить сообщеніе, отправить довольствіе, — все шло не туда, опаздывало, не годилось. Евреевъ вѣшали: за все — за измѣну, за снаряды, за кутерьму. Старика-еврея сняли съ мельницы: отрядъ проходилъ, мельница махала крыльями — по отряду стрѣляли; на третій день старика нашли: у старика

убили двухъ сыновей, — дикій, шалый шелъ за солдатами; его вывели за околицу, солдатъ полѣзъ на корявую ветлу, веревку долго прилаживалъ. Еврей стоялъ покорный, понурый; глазки его вдругъ заблестали, губы зашептали: старый Адонаи всталъ за ветлою, простилъ, принялъ блуднаго столѣтняго сына. Солдатъ накинулъ петлю, подставилъ пенекъ, — потомъ пенекъ пнулъ, старикъ повисъ, дернулся, изо рта его полѣзла пѣна.

Министръ послѣ докладовъ отдыхалъ, жена наливала чай: въ дубовой столовой. Министръ послѣ отдыха собиралъ бумаги въ портфель, просматривалъ — передъ докладомъ. Зеленая машина у входа сдержанно клохотала, покатила по вечерѣющему Петербургу. Фонари зажигались гнойно-зеленовато; улицы еще сізѣли; шофферъ везъ увѣренно: передъ докладомъ — къ Ѳаддею Иванычу. Ѳаддей Иванычъ жилъ въ особнячкѣ, на Васильевскомъ; у особняка, невзрачнаго, деревяннаго, стояла карета. Министръ поднялся, робѣя, всегда увѣренный: плотный, въ мундирѣ, съ синимъ широкимъ затылкомъ. Въ столовой пахло цвѣтами, гіацинты отцвѣтали, ржавѣли; апельсины рыжѣли въ вазѣ. Сестрица Симушка, великопостная, смиренно поклонилась. Ѳаддей Иванычъ шелъ изъ кабинета: въ шелковой рубахѣ перепоясанной, въ лаковыхъ сапогахъ. Дама въ черномъ проскользнула, прошуршала, пахнула духами. Министръ за Ѳаддеемъ Иванычемъ прошелъ въ кабинетъ: въ кабинетѣ иконы, старинныя, закопченныя подъ свѣтомъ восковымъ, алымъ лампадъ, смуглѣли: на столѣ стоялъ портретъ въ бархатной рамѣ: сѣроглазый, обожаемый, съ проборомъ, смотрѣлъ ласково. Ѳаддей Иванычъ сѣлъ въ кресло, въ кресло усадилъ:

глаза у него были раскосые, хитрые, бороденка клинушкой. Министръ просилъ наставленія, вынулъ бумаги, показывалъ, — Ѳаддей Иванычъ смотрѣлъ однимъ глазомъ, губами жевалъ: говорилъ странно, рѣшительно: какъ быть. Какъ говорилъ — такъ все поворачивалось: день, судьба, исторія, Россія. Министръ уѣзжалъ успокоенный, — записочку съ каракулями держалъ на сердцѣ, въ бумажникѣ крокодиловомъ. Ъхалъ дальше: надъ рѣкой туманъ мрѣялъ; машина въ сырѣ, тьму гудѣла медленно, похоронно; дворцы вставали ровными рядами оконъ: часовые стили; по краснымъ дорожкамъ министръ поднимался безшумно; паркетъ, мраморъ, золото рамъ блистали.

Въ госпиталѣ ночью раненые сошлись: трое присѣли на кровать къ выздоравливающему — фейерверкеру Ѳедюку. Ѳедюкъ лежалъ серьезный, бородатый, смиренноглазый: ночью въ палатѣ говорили объ измѣнѣ. Измѣна была всюду — раненые шептали, крестились, поминали Рассею. Рассея раскидывалась: полями предмартовскими, въ снѣгу, путями дольными — въ Сибирь, въ Азію, въ степи, проселками; черными деревнями: въ деревняхъ тоже шептались — про измѣну. Русь ночная лежала во тьмѣ, зарницы полыхали, поѣзда шли, везли: скотъ, людей, сѣно, орудія. Раненые въ лазаретахъ бредили, стонали, умирали. Артиллерія была — по 13-му стрѣлковому день и всю ночь — на утро началось наступленіе. Непріятельскія цѣпи раскидывались, пока били по цѣпямъ, колонна обходила далеко: къ вечеру означился прорывъ. Связь между частями утратилась. Части отступали назадъ, безъ дороги. Изъ штаба 13-му предписано было ночью оставить позицію, отступить. Ночью безъ огней полкъ вылѣзъ изъ

окоповъ, свернулся, началъ отступление; шли всю ночь, ракеты лопались, артиллерія бухала: прикрывала отступление. Къ утру вышли къ болоту, обозы увязли. Пока бились съ обозами, слѣва, изъ-за лѣска, по обозамъ стала бить артиллерія: полкъ обошли, отступление отрѣзали. На военномъ совѣтѣ постановили: пробиваться на соединеніе. Полкъ голодный, безсонный, сталъ пробиваться въ обходъ, разстроился, сбился, увязъ, разбрелся по лѣсамъ, топямя, болотамъ. Черезъ пять дней пристали къ разнымъ частямъ солдаты безумные, сѣролицыя, мокрые. Ихъ накормили, одѣли, дали выспаться. Отступление продолжалось.

Въ пользу жертвъ войны, въ бѣломъ залѣ, былъ чай, танго. Съѣзжались къ пяти: Крушинскій, Мэри, адвокатъ. Бѣлѣли: накрахмаленныя скатерти на столикахъ, вырѣзы фраковъ, въ красный коверъ пушистый нога вникала вкрадчиво; плечи розовѣли матовостью жемчужной. Лакеи на подносикахъ разносили: кофе, печенья. Духъ Англіи виталъ, дѣлалъ руку въ сіяющей манжетѣ суше: привыкшей къ теннису, къ спорту, — руку разслабленную, съ ногтями миндалевидными. Танго начиналось: юноша, напудренный, съ синими тѣнями въ впадинахъ, женщина въ платьѣ открытомъ, льющемся шелкомъ, шифономъ, — приникая, сближаясь, замирая, цѣпенѣя, сковываясь судорогой; наклонялся губами надъ ртомъ, звалъ, мучилъ, близился, уклонялся. Такъ, цѣпенѣя, прошли по сценѣ, — наконецъ, запрокинулъ ее на руку, замершую, обезсилѣвшую. Мужчины заплотировали, женщины шурились, смотрѣли въ лорнеты, — легкій запахъ духовъ, табака, пудры плылъ. Зоя выступала, читала Бальмонта, сжимала худыя руки, съ голосомъ звенящимъ, впадиной ключицы, глазами прекрас-

ными. Чай былъ удаченъ, — для жертвъ войны очищалось: на махорку, портянки, бумагу.

Адвокатъ послѣ чая звалъ въ ночное кафе: въ кафе выступали поэты. Ъхали на извозчикахъ сквозь Москву капельную, мартовскую. Въ высокихъ пролеткахъ было непривычно свѣжо, въ туманѣ свѣтились желтые, ярые аптечные шары. Снѣгъ лежалъ бурый, кучами, прохожіе въ лужи проваливались, — въ кафе поэтовъ было дымно. Публика сидѣла, дожидалась скандала, — на желтыхъ стѣнахъ, пестро размалеванныхъ, блестѣлъ потъ. Поэты въ голубыхъ, оранжевыхъ кофтахъ прогуливались, какъ борцы въ антрактѣ. Въ оранжевой кофтѣ выльзъ, наконецъ, на эстраду, прорычалъ, обругалъ публику; публика апплодировала довольно. Поэтъ продолжалъ рычать, ругалъ, потрясалъ кулакомъ; дѣвушка сѣроглазая, уже съ карминной верхней губкой, глядѣла на него восхищенно, комкала платокъ.

Нина у выхода шепнула Мэри, чтобы задержалась, уѣдутъ вмѣстѣ: повезла къ себѣ. Квартиру пустую, роскошную, холостую, открыла англійскимъ ключомъ. Въ маленькой гостиной — принесла коньякъ, фрукты, поставила на полъ, сѣла съ Мэри на медвѣжью шкуру. Отпили коньяку, Нина, въ губахъ держа красную виноградину, потянулась съ ней къ Мэри, вдругъ опрокинула ее на спину, стиснула, припала къ губамъ, размыкала ихъ, жалила, рвала съ нее платье; къ голой припала груди.

Свѣтло-зеленое, лягушечье, лилось, лилось, смывало визитки, сермяги, заливало землю. М-сье Жозефа удалось устроить — хоть тоже въ свѣтло-зеленомъ, но бѣгалъ съ саквояжикомъ причесывать — числился санита-

ромъ при лазаретѣ. Санитаромъ при лазаретѣ устроили Жоржа Радунскаго. Адвокатъ тоже милитаризовался: вдвоемъ купили заводъ, гдѣ тоже для войны носились привода, колеса вертѣлись, станки обтачивали ручки ко-стылей, палки для носилокъ. Рабочимъ объявили — считаются военными, работать ночью и днемъ: иначе въ окопы. Заводы гудѣли, сало стекало въ желоба, свѣтленькія пульки падали подъ стекло, отвѣшивались, прыгали въ желобки. Адвокатъ пріѣзжалъ утромъ, на фуражкѣ его былъ красный крестикъ. Съ красными крестиками, со шпорами ходили Медынцевъ, Знаменскій, Кнорре — ѣздили на фронтъ въ поѣздахъ, завѣдывали банями, летучками. Летучки стояли въ фольваркахъ — все было хозяйственно: денщики, повара, кони. Помѣщики управляли, ѣздили съ докладами, катались верхомъ, играли въ преферансъ — были осени прозрачныя, въ перелѣскахъ буковыхъ; зимы теплыя — подъ трескъ печурокъ; впереди на взгорьѣ лежали окопы: заброшенные, съ водою; тяжелое чрево висѣло надъ лѣскомъ, въ корзиночкѣ сидѣлъ человѣчекъ, наблюдалъ.

Съ фронта пріѣзжали въ Москву: на недѣлю — пожить, встряхнуться, щегольнуть выправкой, обвѣтреннымъ лицомъ. Въ клубѣ, между столиковъ съ ужинающими, между розовыхъ лысинъ, розовыхъ плечъ, проходили щеголевато. Медынцевъ, Знаменскій вмѣстѣ съ Мэри, Виргиніей Кнорре, полнобедрой, бездѣтной; изъ клуба ѣхали: везла Мэри. На извозчикахъ спускались бульварами: бульвары подсыхали: въ сухихъ вѣткахъ, подъ вѣтромъ мартовскимъ. На Трубной, голой, блистающей, свернули въ переулокъ, ѣхали мимо лавокъ татарскихъ; у воротъ, кисло пахнувшихъ, вылѣзли, пробирались по грязи, по черной лѣстницѣ со спичками взби-

рались долго: на четвертомъ этажѣ отворилъ китаецъ, Мэри узналъ — впустилъ. Въ концѣ коридора, въ большой комнатѣ, на полу, на грязныхъ тюфякахъ, лежали, улыбались блаженно, томились, втягивали сѣрый дымъ опія: Крушинскій, другіе — знакомые по вернисажамъ, ресторанамъ, премьерамъ.

Комета всплыла безъ четверти часъ ночи, марта 27-го: жемчужно-алая, обвисшая хвостомъ, стала: надъ окопами, подями. Солдаты вылѣзли, глядѣли, крестились. Комета стояла до утра, пока ободняло; въ сиреновомъ туманѣ таяла, меркла, исчезла. Ко дворцу депутаты спѣшили: подходили съ портфелями; подѣзжали на извозчикахъ. Въ кулуарахъ, залахъ двухсвѣтныхъ совѣщались, гудѣли, постановляли требовать, — автомобиль министра, зелено-сѣрый, сворачивалъ отъ Аничкова моста: въ портфель министра лежала бумага — депутаты распускались, во дворцѣ будетъ лѣтній ремонтъ, реставрація.

Въ новой премьерѣ Зоя Ярцева играла, о ней снова писали, — блѣдная отъ весны, мучительно-близкая, отчужденная, измѣнчивая, актера Русланова терзала, приближала, отталкивала: ночи безумія, страсти смѣнялись днями враждебными, отчужденными. Руслановъ терзался, сгоралъ, ревновалъ. На пятой недѣлѣ поста онъ шелъ съ ней вдоль по Пречистенскому; деревья набухали почками; ледъ прошелъ. Измученный, невѣрящій, онъ смотрѣлъ сбоку на легкій профиль, улыбку, къ кому-то обращенную: любовь, ненависть, ревность вскипали въ немъ. У Храма Спасителя, возлѣ каменной набережной, спросилъ ее, кого она любитъ. Зоя, усмѣхаясь, отвѣтила — не его, кого — не знаетъ сама. Онъ схватилъ ее за руку, приблизилъ глаза, задышалъ, — она

оттолкнула его, пошла прочь, крикнула, что любить другого. Минуту онъ стоялъ, смотрѣлъ вслѣдъ, затѣмъ нагналъ ее въ два прыжка, ударилъ ножомъ въ бокъ: Зоя рванулась, крикнула, опустилась. Вставъ на колѣни, онъ цѣловалъ ей руки, мертвѣющее лицо, молилъ о прощеніи, — бокъ ея теплѣлъ, намокалъ. Черезъ день въ часовнѣ она лежала — бѣлая, съ точенымъ носомъ, все узнавая; изъ газетъ пришли фотографы, шипѣли магніемъ, щелкали затворами. Въ газетахъ писалось объ убійствѣ сенсационномъ.

Рязанскіе, самарскіе сидѣли въ окопахъ, забытые, голодные; министра смѣнили, ѣздилъ къ Ѳаддею Иванычу другой — среброволосый, статный, съ носомъ орлинымъ; Ѳаддей Иванычъ на бумагахъ выводилъ каракули, — надъ Петербургомъ, Невой, бѣлыми ночами, дворцами, стражей, министрами, депутатами — стоялъ конь, поднявшійся на дыбы — мѣдный, съ всадникомъ мѣднымъ, дороднымъ, Россію на финскихъ берегахъ утвердившимъ. Казакъ вихрастый, съ папиросныхъ коробокъ глядѣлъ, тоже Россію утверждалъ. Къ лѣту въ штабахъ готовились: развертывали дивизіи, гнали поѣзда — зеленыя колонны проходили, залѣзали въ землю. Дождя не было, лѣто было сушливымъ — кровь колосьевъ не выгоняла.

3

Въ улицахъ мартовскихъ, чернѣе черни, на машинѣ черной, летящей, адвокатъ летѣлъ въ ночь: управлять. Адвокаты управляли, совѣщались выпускали воззванія. Изъ черной земли, разверзшейся отъ буханья пушекъ, неправды, обидъ, вшей, униженья столѣтняго, взбухало, разверзлось на Невскомъ, на тали февральской, — чер-

ные людишки бѣжали, падали, ложились за сугробы. У моста надъ Невой почернѣвшей, въ салѣ, пристава щеголеватаго; въ сѣрой шинели, стащили съ коня, голову проломилѣ, — конные стрѣляли, изъ толпы отвѣтили, бросали камни.

На тали Революція разверзлась, полой водой смывала: сановниковъ, стриженныхъ подъ бобрикъ. Въ Москвѣ по Гнѣздниковскому черному проходили ночью: отрядомъ — городовые съ постовъ снимались, уходили въ вѣчность. Утромъ по Арбату пролетѣлъ грузовикъ, солдаты стояли съ штыками, съ флагомъ, краснымъ. Къ вечеру дня другого по Тверской внизъ лѣзла толпа: штатскихъ останавливали, пальто задирали, — подъ пальто были: синіе штаны. Пристава подъ енотомъ узнали, енота, содрали; подъ енотомъ былъ: самъ бравый 5-го участка. Баба подошла, плюнула въ бороду Александра III, лопатой. Шли внизъ присягать: портняжки въ красныхъ шапкахъ интендантскихъ вприпрыжку —землистые, гороховолицыѣ.

На фронтѣ всѣ сидѣли, ждали замиренія — адвокаты въ Москвѣ совѣщались, постановляли: войну продолжать. Ночью у памятниковъ митинговали: появлялись тайнственные, требовали войну прекратить. Молодые люди, возвращавшіеся изъ клуба, задерживали ихъ, отводили. Въ черной ночи, вдоль черныхъ бульваровъ, на которыхъ спало воронье, все тайно шло, — тайно дремали на фронтѣ въ окопахъ, — адвокатъ летѣлъ въ ночь на засѣданіе.

Санитарный шелъ экстреннымъ: въ санитарномъ ѣхали — Мэри, Знаменскій, три оратора: на станціи ораторы вылѣзали, говорили рѣчи. Солдаты, въ опоркахъ, скуластые, большебородые, окружали; ораторы

говорили, что съ миромъ нужно ждать, — поѣздъ шель дальше, наконецъ всталъ; въ автомобилѣ новенькомъ ѣхали дальше: по большаку, по проселкамъ, по апрѣльской грязи, сохнущей. Солдаты изъ мокрыхъ окоповъ выѣзали, слушали хмуро; послушавъ, лѣзли назадъ въ окопы, — машина возвращалась въ штабъ дивизіи къ завтраку.

Нина Рогожина въ Москвѣ устраивала: вечеръ въ въ пользу политическихъ, освобожденныхъ. Политическихъ — сѣрыхъ, обросшихъ, — проводили внизъ по Тверской — публика бросала шапки, дамы кидали цвѣты. Концертъ въ пользу политическихъ состоялся: въ голубой залѣ. Голубая была декорирована мило: красными флажками, — былъ сперва концертъ лучшихъ силъ: вино потихоньку — въ кувшинахъ, квасоподобное. Марсельезу заиграли — мужчины въ смокингахъ, дамы съ плечами открытыми поднялись; потомъ рассказчикъ рассказывалъ анекдоты, пѣлъ басъ бѣлобрысый, съ выѣзающей грудью полированной, цымбалистъ игралъ по струнамъ молоточками. Нина улыбалась изъ окошечка мавританскаго, съ плечами бюлловскими, въ открытомъ платьѣ. Въ пользу политическихъ за всѣ страданія — платили щедро: Крушинскій блеснулъ, широко, безъ надрыва.

Земля подсыхала. Апрѣль надъ полями мягкой кистью вѣялъ: изъ-подъ сухихъ травинокъ выѣзала мелочь зеленая, въ оврагахъ — подснежники. Надъ усадьбами помѣщичьими — пепелищами — трубы торчали въ небо: мужики, догромивъ, готовились — принять великій даръ по праву испокону вѣковъ — всю землю черную, родную, расейскую — на вѣчное владѣніе мужицкое. Барина Скородумова, надъ тремя тысячами десяти-

нами коптѣвшаго, гильзы набивавшаго, выжидавшаго мартовскій токѣ, — въ самый токѣ, когда ходили съ мукою любовною, пыжась, тетерева вокругъ тетеревиныхъ и топтали ихъ съ яростью, — въ самый токѣ барина Скородумова справили: на телѣгѣ, съ чемоданомъ съ наклейками заграничными тряся, — дымъ надъ усадьбой стоялъ черный; надъ пепелищами, гнѣздами помѣщичьими, Русью помѣщичьей стоялъ дымъ черный. Зори были кровавы, журавли прилетѣли, кричали трубнымъ звукомъ. Подъ зарю кровавою, въ зори росныя — солдаты все сидѣли: ждали мира, отпуска, дома. Миръ обѣщали, отпуска тоже — пока велѣли сидѣть. Солдаты изъ окоповъ повылѣзли, съ непріателемъ мирились, заявили, — сидѣть больше не будутъ, воевать не хотятъ.

По Арбату проходили съ музыкой, подъ солнцемъ, съ черепами на рукавахъ: драться, усмирять; на штыкахъ были цвѣты. Женщины смотрѣли вслѣдъ: воинамъ, — были грустны на свиданіи. Батальонъ смерти въ 3 утра готовился: къ атакѣ. Пѣхотный полкъ долженъ былъ поддержать, развить наступленіе. Въ батальонѣ юноши безсонными глазами встрѣчали: первое мрѣянье, зарю, чешую облаковъ перламутровыхъ, утреннихъ. Когда чешую смело, небо проступило голубоватое, батальонъ вылѣзъ, началъ перебѣжку. Спереди полыхнуло, въ воздухѣ визжало, разорвалось сзади. Подъ противный стукъ пулеметовъ батальонъ пробѣгалъ, ложился, стрѣлялъ, — третью цѣпь: пѣхотный полкъ — погнали. Полкъ изъ окоповъ не вылѣзъ, рѣшилъ обсудить на митингѣ. Офицера кричавшаго, вынудившаго револьверъ, сзади по затылку прикладомъ ударили, — офицеръ кло-

нился, падалъ. Съ ревомъ первая цѣпь бѣжала на окопы, таяла, — съ боковъ, спереди стучало противно, смертно. Полкъ постановилъ: въ наступленіе не идти, изъ окоповъ не вылѣзать. Юнкера Роговина, студента 2-го курса естественнаго, бѣжавшаго со штыкомъ наперевѣсъ, по глазамъ вдругъ хлестнуло, — бѣжалъ дальше, земля вдругъ пошла подъ откосъ, небо ложилось внизу — онъ раскатился съ откоса, упалъ, схватился за глаза: глаза видѣли ладонь въ землѣ, близко, со всѣми линіями, — ладонью коснулся темени, ладонь стала алая, липкая; все вытиралъ о землю — и глаза липкое заливало.

Пѣхотный полкъ шелъ черезъ день безъ пути — по домамъ, шалый, дикій, вшивый, ободранный. Небо было юнское, линючее: подъ небомъ блѣдно-синимъ выцвѣтшимъ, кроткимъ, какъ глазъ дѣтскій — всѣ были правы. Полкъ окружили къ ночи, зачинщиковъ схватили: татарина Гассана-Мухмета Агишева, рядового Скобелева. Татарина допрашивали: онъ-ли убилъ офицера, приказывавшаго идти въ наступленіе. Татаринъ, три года сидѣвшій въ окопахъ, трахонный, красновѣкій, дергалъ носикомъ, отвѣчалъ: — Моя мало ударилъ... по затылкамъ ударилъ, — объяснялъ, что идти въ наступленіе нельзя, когда весь полкъ противъ и когда объявлено замиреніе: офицеръ горячился, грозилъ револьверомъ, ругалъ всѣхъ — онъ его стукнулъ. Рядовой Скобелевъ, сѣроглазый, спокойный, объявилъ: солдаты драться устали, пусть дадутъ миръ настоящій.

Гассанъ-Мухметъ ночью лежалъ у костра, смотрѣлъ на огонь, шмургалъ носикомъ, мурлыкалъ пѣсню. Пятеро гассанятъ ждали его за Казанью—все мурлыкалъ, пока не уснулъ. Легкой лѣтней ночью — легкіе, теплые сны.

За часомъ тьмы — мрѣянье перламутровое: вѣтерокъ, свистъ птицы, пѣтухъ дальній. Перламутрово наливалось, птица пикнула, проснулась, — Гассана-Мухмета толкнули, велѣли вставать, повели. Привели къ опушкѣ: за опушкой овсы, чуть зыбью тронутые. Гассана-Мухмета поставили къ дереву, глаза завязали; Гассанъ-Мухметъ узналъ: тишину, покой, наконецъ, — рай татарскій разверзся, принялъ его за всѣ муки трехлѣтня.

Въ городѣ знойномъ, сѣмечками пролущенномъ, въ пыли колкой, митинги чернѣли, раненые въ халатахъ мышиныхъ толпились, — надъ ранеными, надъ котелками, надъ шляпами соломенными воздѣвали руки, говорили: на скверахъ, на площадяхъ, на Калужской, на Страстной, на Лефортовскомъ плацѣ, — мальчишки висли на столбахъ, картузы сдирали, всѣмъ кричали ура. Герои войны георгіевскіе снимались на бульварѣ: одинъ сидя, другой стоя, руку положивъ на плечо — позади были горы холстяныя, пейзажъ крымскій.

За лѣтомъ августъ, осень зардѣвала, — поѣздъ санитарный стоялъ въ городишкѣ бѣленькомъ: въ городишкѣ, съ купами, съ грушами, съ замкомъ магнатскимъ, съ рѣчугой подъ мостомъ подъемнымъ пересыхающей, — подъ вечеръ, по главной, Дворянской, прогуливались штабные: шпоры хрустѣли серебряно, аксельбанты бѣлѣли. Командующій, съ мѣшками желтыми подъ глазами, въ синихъ штанахъ обвисшихъ, шелъ съ палкой на прогулку: позади были донесенія, телеграммы, разговоры по прямымъ проводамъ, доклады, приказы, происки, самолюбія. Въ паркѣ офицеры со скамеекъ вскакивали, дѣвицы сидѣли притихшія. Черезъ окопы, изъ окопа въ окопъ, гдѣ солдаты сидѣли, томились, жда-

ли приказа разойтись, по городамъ, съ площади на площадь, по митингамъ, по фабрикамъ, мастерскимъ — шла Смута. Воронье осеннее кричало о Смутѣ, летѣло низко: передъ заморозками, близкимъ сентябремъ. Сентябрь осѣдалъ туманами, хмарью, — солдаты сидѣли хмурые, затаенные; затаенное было: въ дняхъ сирыхъ, во взглядѣ черномъ исподлбоя.

Въ ночь на 17-е полкъ 31-й приказа сняться не выполнилъ: вышелъ изъ окоповъ обложилъ бѣлый городокъ, приказалъ сдать. Къ полку примкнула саперная, — дивизионъ артиллерійскій вѣрный, всталъ на защиту, — занялъ горку: въ семь утра первый снарядъ пролетѣлъ черезъ городъ, — 31-й начиналъ наступленіе. Санитарный на вокзалъ выдвинули — въ санитарный подъ прикрытіемъ дивизиона грузились штабные, — въ пять вечера, когда 31-й вошелъ въ городъ, въ штабѣ бумаги валялись изорванные, все было смято, телефоны сорваны. Санитарный съ штабными шелъ, шелъ, — сивыя поля, голые перелѣски, туманы, пни мимо проходили. Въ часъ ночи санитарный пришелъ на узловую. Паровозъ отцѣпили, смѣняли. Узловая была забита солдатами: корявые, вшивые — возвращались въ губерніи рязанскія, вологодскія, костромскія: садиться на землю народную. Санитарный ночью толкнули, перегнали на пятый запасный; къ утру пути были забиты новыми составами: товарными, воинскими. Штабные пошли требовать отправки, — комендантъ общалъ: отправятъ въ два дня. Въ два, въ три, въ пять, въ восемь поѣзда не отправили, Съ оружіемъ, злые, штабные пошли: требовать, объясняться, приказывать. Въмѣсто коменданта сидѣлъ другой, хмурый, небритый; выслушалъ, объявилъ

— поѣздъ дальше не поидеть, — штабные зашумѣли, зазвякали, — хмурый показалъ телеграмму: поѣздъ № 34а дальше не пропускать.

Въ городѣ хмурый день, октябрьскій, за ночью, хлестаемой изъ переулковъ съ крышъ, съ чердаковъ, — выползъ, повисъ стеганнымъ одѣяломъ надъ домами мертвыми. По коридорамъ, со стукомъ, рота за ротой проходили: строились, спускались внизъ расходились: на боевые посты: къ Смоленскому, къ Зубову, къ Красной. Въ домѣ розовомъ тоже писали, проходили — блѣдные, хмурые, съ глазами воспаленными; вскакивали, бѣжали; на автомобиляхъ сквозь ночь октябрьскую, черную, тайную, летѣли: часовой изъ тьмы гаркнетъ — свой-ли, чужой, — дальше вдоль бульваровъ, во тьму: съ револьверомъ въ рукѣ. Ночь полыхала, рдяное на все небо протягивалось, дрожало зыбко: домъ догоралъ; не тушимый

Въ черной ночи, въ крови, въ мукѣ, изъ годовъ метельныхъ, войны, вшей, обидъ, упованій, изъ банкетовъ, тюремъ, выборовъ, тостовъ — хмурой крупюю предзимней несомый — вставалъ Октябрь.

А Р Ф Ы

Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй,
Вотъ арфа золотая.

Лермонтовъ

Утромъ городъ взяли матросы; привезли пулеметы, окопались, лежатъ, ждутъ: день и другой. Раввинъ, аптекарь Калецкій, Соломоновичъ — хозяинъ вальцовой мельницы—представители населенія: явились къ матросу Бжиге, начальнику отряда. Бжига обѣщаль: неприкосновенность — личности, жилищъ, вѣроисповѣданія, частной собственности, виннаго склада. Населеніе успокоилось, въ синагогѣ пѣлъ канторъ, закативъ глаза, Соломоновичъ пожертвовалъ въ пользу матросовъ пять мѣшковъ сухарей. Матросы сидѣли въ окопахъ, курили, знакомились съ населеніемъ; на третій день сидѣть въ окопахъ надоѣло, непріятеля не было, вечеромъ гуляли матросы въ городскомъ паркѣ, разбредались съ дѣвками по аллеямъ. А на четвертый утромъ, когда всѣ еще спали, и спали часовые, — прикатило пять легкихъ машинъ, выѣзжали изъ нихъ солдаты въ каскахъ подъ чехлами, разставили посты, съ полчаса пострѣляли возлѣ почтовой конторы, преслѣдовать матросовъ, бросившихся на другой берегъ на лодкахъ, не стали; и заняли городъ. Два дня ходили по домамъ, опрашивали проходящихъ, разстрѣляли Рывкина, ни въ чемъ неповиннаго,

служившаго въ банкѣ; еще троихъ — неизвѣстныхъ; и еще пятерыхъ. Ночью зарѣзали на посту двоихъ нѣмцевъ. Утромъ майоръ накладывалъ на городъ контрибуцію, опять приходила депутація отъ населенія: раввинъ, Калецкій, Соломоновичъ, — майоръ двигалъ рыжими усами, контрибуцію внесли; а еще черезъ день пришли откуда-то фронтовики, перерѣзали нѣмцевъ, зарѣзали рыжаго майора, — взяли городъ. Съ фронтовиковъ началось:

фронтовики тоже обѣщали неприкосновенность личности и вѣроисповѣданія, опять старый еврейскій Богъ слушалъ заливающійся теноръ кантора, — но утромъ вдругъ трое неизвѣстныхъ разгромили бакалейную лавку старшаго Ротшильда; въ полдень начали громить мануфактурную — Лимонада, — делегація отъ населенія опять пошла объясняться, фронтовики снова обѣщали неприкосновенность, — но къ вечеру разгромили еще три лавки и контору самого Соломоновича; погромъ начался въ девять, — въ одиннадцать стали громить винный складъ, — и продолжался двое сутокъ. На третьи пришли атамановцы, всю ночь была перестрѣлка, — къ утру, прогнавъ фронтовиковъ, атамановцы продолжали погромъ; затѣмъ атамановцевъ прогнали зеленые, потомъ пришли синіе — жупанники, потомъ пріѣхала на броневикѣ Маруся Самбутова, въ папахѣ, въ кожаной курткѣ, въ сапогахъ, съ револьверомъ, сама разстрѣляла семерыхъ, била хлыстомъ атамана, блестя черными глазами, смоляными кудрями... Погромъ продолжался при Марусѣ еще трое сутокъ — итого семь. Семь дней ходили по городу, разбивали стекла, тащили евреевъ, напяливали шляпы, мѣняли сапоги... Евреи сидѣли на чердакахъ, въ подвалахъ, въ костелѣ стояли на ко-

лѣняхъ, ксендзъ служилъ службу, прихожане крестились. Ночью подожгли городъ съ окраины, пожара никто не тушилъ.

Семнадцать евреевъ сидѣло на чердакѣ, двери были завалены дровами: въ тѣмѣ всѣ терялись, одни вздохи, плачъ, зовъ къ Адонаи — Ты, великій, не дай погибнуть древнему народу твоему. — И заплакалъ ребенокъ: плакалъ тоненько — у-а, у-а... — семимѣсячный. — Слушайте, слушайте... вы же насъ погубите... дайте же ему грудь. — А разъ у меня нѣтъ молока... — У кого есть молоко, слушайте, у кого есть молоко, дайте же ребенку грудь, онъ насъ погубить... — Тише, золотко мое... О, Шма Исроель, тише, золотко мое... — Вы же слышите, идутъ, внизу идутъ, мимо идутъ... — Я же не могу ничего, если у меня нѣтъ молока. — Закройте его, закройте его, чтобы не было слышно... — И шли мимо, долго шли, стучали въ двери, раскидывали дрова, прошли мимо.

Молодой человѣкъ, въ ватной кофѣ, съ круглыми подъ очками глазами, ночью рассказывалъ Фанѣ Альбрехтъ: — Вы понимаете, женщина прижала ребенка къ груди и держала, пока прошли, — а когда прошли, ребеночекъ былъ уже мертвый... Я же самъ видѣлъ на чердакѣ, а потомъ убѣждалъ — и вотъ ѣду въ Москву, ѣду искать справедливости... гдѣ же справедливость? Всѣ говорятъ, что въ Москвѣ справедливость.

Фаня съ нимъ сидѣла на полу, подъ нарами: тоже возвращалась въ Москву, позади были три мѣсяца скитаній, жизнь въ Кіевѣ, жизнь въ Одессѣ, — Фаня возвращалась на Долгоруковскую, къ тетѣ Любѣ... Товарный поездъ — распухшій, пять разъ перебинтованный людьми, сундуками, мѣшками: на крышахъ, на буферахъ, съ раз-

битыми окнами, — медленно ползъ; начиналась зима, изъ лѣсовъ шелъ холодъ, рѣки стыли; вагоны скрежета-ли, тряслись, люди падали, нары скрипѣли — къ стри-женной дѣвицѣ на нарахъ подбирались шинѣли, дѣвица была добрая; и вдругъ въ полѣ становился поѣздъ, сто-ялъ часы, сутки; пассажиры забирали пилы, топоры, шли въ сосѣдній лѣсокъ пилить дрова, къ утру растапливали паровозъ, дрова текли, шипѣли, не загорались. И шелъ поѣздъ дальше. Шелъ въ ночь, и въ снѣжный шелъ день; ночью лѣзли на станціяхъ въ тьму вагоновъ, при-ходили отряды, шарили по ногамъ, выкидывали мѣшки; на веселомъ полустанкѣ «Разгонная» сняли съ крыши замерзшаго: шинель коростой, лицо бабье, безусое, въ ноздряхъ иней. А еще черезъ станцію — окружили ма-тросы: поѣздъ сталъ, дальше не пускали, пока не про-гонять зеленыхъ: зеленые вышли изъ лѣсовъ, заняли горку, на горкѣ стоялъ Кутузовъ — фейерверкеръ Ка-вунъ и оглядывалъ окрестности, приложивъ щиткомъ руку. Поѣздъ стоялъ на сожженной станціи, пассажиры приплясывали въ вагонахъ, матросы съ гранатами хо-дили мимо поѣзда. Ночью была атака, трещали пуле-меты, рвались гранаты — атаквали горку. Къ утру зе-леныхъ прогнали; поѣздъ постоялъ, паровозъ похри-пѣлъ, поѣхали дальше. И опять тянулись назадъ: чер-ные деревни, сожженные станціи, снѣгъ въ лощинахъ и хлябь, — Русь, Русь шла мимо.

Такъ ѣхали подъ нарами: Фаня, возвращавшаяся на Долгоруковскую, и Яковъ Брандъ, сынъ Абрама Бранда, аптекаря, ѣхавшій искать справедливость; подъ нарами была у нихъ коврига, которой не доискались отряды, ѣли хлѣбъ, почесывались; Яковъ Брандъ говорилъ: — Это же такое свинство... придется весь полушубокъ спалить.

У Фани въ Москвѣ былъ дядя, была тетя, была комната съ бѣлой постелью, были книги, — Фаня слушала лекціи; потомъ пришелъ одинъ человѣкъ, Александръ Ширяевъ, бритый, съ черно-горящими глазами, съ голосомъ хриплымъ, властнымъ: былъ сперва громкій, ходилъ въ папахѣ, въ шинели нараспашку, — а потомъ, когда бросили бомбу въ кого-то, — три дня скрывался, пришелъ уже въ штатскомъ, — уѣзжалъ на югъ призывать, бунтовать, — и вошли черно-горящіе глаза въ Фаню глубоко, бросила лекціи, бросила тетю, бѣлую комнату, — поѣхала съ нимъ. Жила на ходу, въ проходныхъ комнатахъ, ночью тряслась по проселкамъ — отъ кого-то бѣжали, жили въ Кіевѣ, жили въ Одессѣ, — потомъ еще бросили бомбу въ кого-то, ночью пришли, взяли Сашку; утромъ побѣжала Фаня искать, стояла въ очередяхъ, молила, — искала пять дней; на шестой въ газетѣ напечатано было: разстрѣляли за бандитизмъ двадцать четыре, разстрѣляли Александра Ширяева, Сашку...

Яковъ Брандъ говорилъ: — Все быють евреевъ. Можно подумать, что у людей нѣтъ больше дѣла, какъ бить только евреевъ. — Ночью была луна, горѣла надъ снѣжными буграми; на утро въ лиловомъ туманѣ всталъ городъ: встала Москва. Поѣздъ подходилъ, шатаясь, какъ боровъ, весь въ желвакахъ, грязный; полѣзли съ крышъ; въ проходѣ щупали мѣшки, раскрывали корзины; на грязномъ полу лежали груды, шинель на шинели. Городъ былъ бѣлесый, люди волокли салазки, бабы дрались въ очереди, на площади чернѣло торжище. Яковъ Брандъ всю дорогу тащилъ Фанинъ чемоданъ, тащилъ свой тощій; глаза у него подъ очками стали раскосыми, грязный потъ текъ по лицу. Грохотали

грузовики; на скверѣ стоялъ гипсовый памятникъ, наполовину обгрызанный. Ученики брели во вторую ступень: въ одной рукѣ книги, въ другой полѣно — топить: каждый по очереди. Шли черезъ городъ долго; люди проходили, раскрывъ рты, волокли, тащили, отдыхали; мальчишки съ папиросами орали на углахъ. Надъ разбитыми стеклами магазиновъ гроыхало желѣзо. Вдругъ изъ переулка выѣхали на коняхъ: съ пиками, красный флажокъ развѣвался, лошади пофыркивали, — проѣхали, покачиваясь; обыватели мимо спѣшили; на плечѣ Пушкина, вскорѣ вставшаго надъ бульваромъ, сидѣла ворона; приватъ-доцентъ, котораго слушала Фаня по римской исторіи, съ римскимъ профилемъ, волокъ салазки съ мѣшками, изъ мѣшковъ текло; профиль его обмякъ и пересталъ быть римскимъ, ротъ былъ раскрытъ, — онъ остановился, снялъ шапку, паръ за клубился надъ нимъ. Наконецъ, донесъ Яковъ Брандъ Фанинъ чемоданъ до подъѣзда, вытеръ лобъ, общалъ зайти, пожалъ руку и ушелъ: въ снѣгъ, въ мгу, съ тощимъ своимъ чемоданомъ — искать справедливости. Яковъ Брандъ писалъ стихи: здѣсь, въ Москвѣ, онъ рѣшилъ, наконецъ, издать ихъ книгою, — Яковъ Брандъ кончилъ съ кровью, страданьемъ, погромами, — онъ начиналъ новую жизнь.

Фаня чемоданчикъ потащила на пятый этажъ; на лѣстницѣ висѣли сталактиты; въ двери барабанили; въ разбитыя окна на площадкахъ дулъ вѣтеръ. Дядя Лева, Левъ Львовичъ Левъ, жилъ прежде на третьемъ: потомъ все измѣнилось. Въ нижнихъ трехъ, въ бывшихъ барскихъ квартирахъ — жилъ теперь Демось: съ грохотомъ отрывали его грузовики отъ насиженныхъ логовищъ въ слободахъ, у заставъ, — а Охлосъ въ трехъ-

дневный срокъ перегнали въ верхніе четыре — поближе къ Богу, потѣснѣе, подальше отъ воды, перезнакомили, сбили. Жили въ квартирѣ номеръ двадцать четыре, на пятомъ этажѣ, вмѣстѣ съ дядейлевой: генералъ бывшій Залушта (№ 7), съ треугольниками подъ глазами; военспецъ Жилинъ; и Зублевичъ-Зублевская (№ 13) съ сохлыми вѣнками, афишами съ именемъ пѣвицы Зублевичъ-Зублевской, съ синеглазымъ Гаррикомъ, прибудышемъ родственнымъ, маленькимъ лордомъ Фоунтлероемъ, съ рванными пяточками. Но и Охлосъ, и Демосъ, и актеръ Окоемовъ, и Зоя Успенская, прелестная, сѣроглазая, бѣгающая днемъ съ балетнымъ саквояжикомъ, — стоятъ одинаково, съ сонными лицами, во дворѣ дома, какъ броненосецъ въ бою выставившаго въ форточки жерла дымящія трубы, — стоятъ съ чайниками и ведрами, пока звенить, звенить ручеекъ изъ крана о жестяное донце.

Дядя Лева служилъ, дома его не было, тетя ахнула, Фаня заплакала. Вечеромъ сидѣли за столомъ, Фаня рассказывала, въ сосѣдней комнатѣ военспецъ кололъ дрова. Фанѣ отвели уголъ, устроили за роялемъ: она легла въ первый разъ за весь мѣсяцъ на чистое, полъ не трясся, ночью она просыпалась отъ тишины: думала — полустанокъ, тьма, дождь, желтый фонарь, мокрые вагоны съ пескомъ, — полустаночная, осенняя, ~~ночная~~ Русь: черныя деревни, ревутъ столбы сыро, тьма, поля, бездорожіе.

Фаня утромъ проснулась для новой жизни. Дядя Лева опредѣлялъ ее къ себѣ — стучать на машинкѣ. Вечеромъ Фаню вызвали въ домкомъ: велѣли идти на биржу труда, а пока, какъ безработной, отправиться чистить пути: утромъ, въ семь, всѣхъ повели черезъ сизый го-

родъ; шли, одолѣвали снѣгъ; наконецъ, затрепыхался на вокзалѣ красный флажокъ; долго вели по путямъ, привели къ сугробамъ: велѣли ждать, пока принесутъ лопаты; ждали часть, лопатъ не нашли, повели на другой путь, велѣли разгружать дрова... Фаня вернулась подвечеръ, на печуркѣшипѣло, тетя жарила морковныя котлетки, напоила чаемъ. Фаня отогрѣвалась; за замерзшимъ окномъ летали снѣжинки; она думала о новой жизни — жизни труда, которую начинала: позади были — любовь, безуміе, страданіе. Черезъ день въ учрежденіи дяди Левы она стучала ужъ на машинкѣ, барышни сидѣли въ шубахъ, въ коридорѣ въ комнату № 12 стояла очередь. Въ кабинетѣ въ кожаномъ креслѣ сидѣлъ военкомъ, бритый, большеносый, подписывалъ красными чернилами бумажки, посѣтителъ вытиралъ лобъ, уходилъ съ надеждой; черезъ день возвращался понурый — бумажка въ его рукахъ истекала кровью надписей, подписей, отказовъ. Въ кладовой внизу выдавали подвечеръ: по два фунта баранины, по фунту меда, по пачкѣ махорки. Учрежденіе жило, работало, составляло смѣты, выдавало пайки, писало отчеты — завѣдывало распредѣленіемъ папиросъ среди населенія. Простоить старикашка лядащій въ череду съ семи до семи, выждетъ, получить свою порцію на мѣсяцъ, и пойдетъ довольный обкуривать міръ, заляжетъ въ берлогу, хрипитъ, перхаетъ.

Актеръ Окоемовъ во дворѣ ночью колетъ дрова. Впереди развалины дома, лѣстница къ небу. Луна и руины, воронъ и арфа — шотландскій мотивъ. Особнякъ снесли, ободрали, луна въ безглазomъ окнѣ. Окоемовъ колетъ дрова, поетъ: — Ваши пальцы пахнутъ ладаномъ... — Принесетъ дрова наверхъ, затопитъ пе-

чурку, сядетъ у огня, вытянувъ ноги, какъ лордъ у камина, и хоть не коксъ рдѣтъ, а выдало осьмушку по ходатайству домкома квартальное хозяйство съ казеннаго склада, — ѣздилъ съ салазками и волокъ, — одно плохо: ноги послѣ дрожатъ, не до ритмики. А ритмика по Волконскому: театръ, гдѣ Окоемовъ служить, ритмическій, — и даже въ вегетаріанской, куда приходитъ Окоемовъ въ три, — весь онъ ритмическій: движеніе къ доскѣ, на которой: — Зразы морковныя, — движеніе къ кассѣ, движеніе къ столику; и оловянная ложка расцвѣтаетъ въ рукѣ, а надъ кашицей — паръ легкимъ облачкомъ.

Дядя Лева глядѣлъ, какъ ловко колетъ дрова Окоемовъ, и хоть ничего не слыхалъ о Волконскомъ, но разъ вечеромъ разсказалъ ему Окоемовъ все: и про человѣка на сценѣ, и про то, что самое главное въ жизни — ритмъ; дядя Лева на другой день поговорилъ съ военкомомъ: тов. Окоемова пригласили завѣдывать драматической студіей того самаго учрежденія, безъ котораго всѣ старички и папиросники ужъ давно бы зачахли... А когда Окоемовъ явился въ первый разъ и показалъ, что такое жестъ, и былъ къ тому же высокій, синещекій, сѣроглазый, — записалось сразу въ студію восемнадцать сотрудницъ и восемь сотрудниковъ, а на другой день еще восемнадцать и восемь. Послѣ занятій не расходились, а собирались въ залѣ: въ залѣ были зеркала, пальмы, плакаты, золотые стулья. Окоемовъ сначала объяснилъ, что гармонія заложена въ каждомъ, и что міръ — есть самъ по себѣ гармонія, затѣмъ предложилъ продѣлать движенія: напречь икру правой ноги, напречь мышцы шеи, освободить тѣло отъ напряженія, — заставлялъ ходить въ кругѣ, — и всѣ

ходили въ кругѣ, освобождали мышцы, напрягали ихъ, были легки, свободны, стремительны... Окоемовъ велъ занятія три раза въ недѣлю, и къ концу третьей всѣ уже стали ритмическими, напѣвно трубили въ телефонную трубку: — Allo, — счетоводъ Животовскій побрилъ усы, сталъ носить гетры, барышни, ходившія прежде въ валенкахъ, какъ тетехи, приносили съ собой теперь туфельки и тамъ надѣвали ихъ, больше пудрились, взбивали кудряшки, — въ залѣ присѣдали гирляндами.

И три раза въ недѣлю, въ семь, приѣзжали за Окоемовымъ: полоть или скрежещущій грузовикъ: платки, картонки, промятыя шляпы, небритыя щеки; и трясся Окоемовъ на полкѣ или стоялъ, держась за плечи другихъ, разставивъ ноги, пока несъ грузовикъ съ ревомъ и скрежетомъ въ тѣму, въ районы: на скрипучихъ подмосткахъ уже ждали другіе, съ бурыми полосами грима, и бѣжали навстрѣчу, запахиваясь на ходу, — дальше везла ихъ машина: хрипѣтъ, размазывать бѣлила, просвѣщать. Въ антрактѣ поили чаемъ, лежали бутерброды съ кислымъ повидломъ, актеры ѣли, выпивали чай... У шоффера машина вдругъ портилась, съ Благуши въ Хамовники шагали актеры, шли по стѣнкамъ съ картонками: Павловы, Мордкины, Комиссаржевскія...

Окоемовъ получилъ предписаніе: взять постельныя принадлежности, котелокъ, миску, — явиться: для отправки на пилку дровъ на недѣлю. Онъ пошелъ объясняться, въ коридорахъ толпились. Окоемовъ заявилъ, что онъ артистъ, художникъ, просвѣщаетъ; часъ спустя проходилъ мимо унылыхъ, понурыхъ: велѣли просвѣщать дальше. Залушта тоже получилъ повѣстку: съ темными генеральскими треугольниками подъ

глазами долго хрипѣлъ, показывалъ прострѣленную ногу; синій, довольный вернулся; жилъ уединенно, иногда просовывалъ въ форточку сѣдой подусникъ, гаркалъ татарина; и входилъ татаринъ — въ шапочкѣ, благовѣрный, смотрѣлъ штаны мужскіе — и вдоль руки вытянетъ, и на свѣтъ поглядитъ, головой покачаетъ, почмокаетъ. Генераль хрипѣлъ, косился, давился слюной; уходилъ татаринъ смиренно, съ мѣшочкомъ, пряталъ генераль деньги подъ половицу, надѣвалъ шинель съ ободраннымъ краснымъ, хоть галоши были генеральскія съ задниками, — выходилъ изъ дома. Бѣжали мимо, мерзли въ очередяхъ; проведутъ толпу: женщинъ, мужчинъ съ сундуками, съ свернутымъ одѣяломъ, — пройдутъ шагомъ мѣрнымъ; и вдругъ — музыка, мѣдный маршъ въ стыли, — плыветъ поверху мѣрно красная крышка, въ красномъ гробу — носъ бѣлый, съ горбинкой, брови черныя, плыветъ на волнѣ послѣдней, уже успокоенный, видящій, знающій. Проходили солдаты, уплывалъ бѣлый ликъ, качался; оркестръ замиралъ, игралъ славу вѣчную, торжественную: и оставался тотъ подъ стѣною зубчатой тлѣть навѣки, слушать въ ноябрьской тьмѣ фарфоровый звонъ цвѣтовъ...

Залушта пишетъ вечеромъ, въ нетопленной комнатѣ сизой рукой въ набухшихъ узлахъ:—«Главное, чтобы не умереть съ голоду. Нужно меньше движеній. Надо закупать рыбій жиръ, а то не будетъ жировъ. Всѣхъ бывшихъ генераловъ хотятъ согнать въ одно мѣсто и тамъ съ ними покончить. Однако, достоверно извѣстно, что на выставкѣ въ Наркомздравѣ, гдѣ выставлены мощи пресвятыхъ, священники въ штатскомъ служатъ молебны въ присутствіи собравшихся, но дѣлающихъ

видъ, что заняты разсматриваніемъ. Хотя это и угрожаетъ смертію. Если коммуникаціонную линію не растянуть, то возьмутъ Москву къ январю; вѣроятноѣ всего, что будутъ введены отряды иностранныхъ войскъ. Сегодня переставлялъ флажки — большой успѣхъ и выигрышъ пространства. Главное, однако, не умереть съ голода. Надо перестать покупать сахаринъ, сахаринъ — роскошь, пора приучаться пить чай безъ сладкаго...» — Генераль сипѣлъ, пускалъ дымъ; за стѣною Зублевичъ-Зублевская лежала подъ шубой, пока ходилъ Гаррикъ, маленькій лордъ Фоунтлерой, синеглазый, собирать щепочки, отдирать планочки въ мусорѣ особняковъ, хоть и гоняли его старухи. Приносилъ въ мѣшкѣ щепочки, обрывки обоевъ, прутики съ бульвара, — разжигали печурку; маленькій лордъ, сидя на корточкахъ, грѣлъ руки, красный огонекъ въ синихъ метался глазахъ, глазахъ материнскихъ, фіалковыхъ, — былъ весь ровный, мудрый, жизнь узнавшій, старичокъ синеглазый.

Нюша — корсетница живетъ въ бель-этажѣ, въ бывшей квартирѣ Зублевичъ-Зублевской: вышла замужъ, получила сорокъ аршинъ матеріи, теперь хочетъ скорѣе родить — опять получить матеріи и карточку для ребенка; мужъ ѣздитъ, привозитъ муки, ворочаетъ деньгами. Нюша мимо проходила дерзко, ключомъ англійскимъ открывала дверь квартиры бывшей Зублевичъ-Зублевской, девять лѣтъ въ домѣ знакомой, извѣстной, имя которой на красныхъ афишахъ; и вдругъ пришла Нюша наверхъ, въ нетопленную комнату съ вѣнками, предложила спокойно, стоя въ платочкѣ въ дверяхъ, учить ее пѣть за муку. Зублевичъ-Зублевская стала передъ ней во весь ростъ, крикнуть хотѣла, ротъ сжала, ничего не отвѣтила безстрастно. Нюша усмѣхнулась,

ушла; Зублевичъ-Зублевская день пролежала подъ шубой, зубами скрипѣла во тѣмѣ такъ, что поднималъ взлохмаченную свою голову лордъ Фоунтлерой съ двухъ стульевъ, на которыхъ видѣлъ серьезные, взрослые сны; на другое утро встала опухшая, велѣла ему позвать Ньюшу. Ньюша отвѣтила, что нездорова, просила саму придти. Зублевичъ-Зублевская еще разъ проскрипѣла зубами, однако, надѣла платокъ, сошла внизъ. Черезъ часъ тетю Любу просила вѣсы: Ньюша училась пѣть, Зублевичъ-Зублевская развѣшивала муку въ мѣшочкахъ на гвоздики, чтобы не достали мыши.

Яковъ Брандъ ходилъ по учрежденію со своимъ саквояжикомъ, поднимался на пятый этажъ, дожидался въ очереди, переходилъ изъ квартиры къ квартире черезъ пробитыя стѣны, освѣдомлялся, былъ ровень, настойчивъ, ласковъ — оттого что теперь, наконецъ, онъ здѣсь, гдѣ равный для всѣхъ законъ, никто никого не рѣжетъ и не бьетъ, — а служить честно и зарабатываетъ себѣ хлѣбъ. Барышни кричали, пожимали плечами, гнали изъ комнаты въ комнату, — и онъ снова появлялся, убѣдительный, расположенный, пока не написалъ ему размашисто кто-то задержанный, сбитый съ толку: — Выдать. — И Якову Бранду выдали: право жить, имѣть крышу, подъ которой онъ можетъ трудиться, писать, размышлять: въ общежитіи № 34, возлѣ вокзала, бывшія меблированныя комнаты «Ревель», номеръ 17. Яковъ Брандъ шелъ весело по Самотекамъ, Садовымъ, тащилъ чемоданчикъ. Вечеромъ въ нетопленной комнатѣ онъ сидѣлъ, подъ обоями шуршало, катилось внизъ; по подушкѣ ползло медленно: то, что видѣлъ онъ днемъ на плакатѣ — везетъ на себѣ смерть съ

косою; далъ всползти на бумажку, поджегъ, зашипѣло, почернѣло, лопнуло...

Яковъ Брандъ рѣшилъ начать сколачивать жизнь упорно; въ городѣ всѣ бѣжали по своимъ дѣламъ, у всѣхъ былъ трудъ, воля къ жизни. Яковъ Брандъ ходилъ по улицамъ, стоялъ на углахъ, размышлялъ, на него налетали: въ его городѣ никто никуда не спѣшилъ, а сидѣли по домамъ, — во время погрома прятались. Съ тетрадкой стиховъ, съ ворчащимъ желудкомъ, но бодрый, просвѣтленный, онъ шелъ и шелъ; мимо пустырей, грудъ кирпича и желѣза, замороженныхъ пустыхъ магазиновъ, очередей... Въ сѣромъ особнячкѣ стоялъ горькій дымъ, стучали машинки, сидѣли барышни въ шубахъ. Яковъ Брандъ подошелъ къ крайней и спросилъ, что нужно сдѣлать, чтобы получать писательскій паекъ, паекъ ему нуженъ, иначе онъ не сталъ бы просить. Барышня подумала и послала его къ другому столу; оттуда его послали наверхъ, — и онъ былъ наверху, былъ на приѣмѣ, разворачивалъ тетрадочку: общали обсудить, запросить, подумать; просили зайти въ понедѣльникъ. Онъ пришелъ въ понедѣльникъ и опять показывалъ стихи, былъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣли поэты изъ народа, и сказалъ, что онъ самъ изъ народа, дѣдъ его былъ простой мельникъ, — стихи взяли, общали прочесть. Въ среду въ пайкъ ему отказали; но онъ нашелъ уже другое учрежденіе, высшее, и сталъ ходить туда ежедневно, какъ на службу, дожидался въ приѣмной, написалъ заявленіе: онъ просилъ, какъ народный поэтъ — пособія, пайка, гонорара за книжку. Въ четвергъ, наконецъ, ему во всемъ отказали: въ пайкъ, въ гонораръ, въ пособіи; но дали бумажку въ другое учрежденіе, въ пассажѣ, на галереѣ, гдѣ стоялъ хвостъ, стекая по

лѣстницѣ. Яковъ Брандъ сталъ въ концѣ, свечерѣло, очередь разошлась. Утромъ онъ пришѣлъ рано, вошелъ первымъ, бумажку долго читали, вертѣли, недоумѣвали: наконецъ, выдали ордеръ. По желтому ордеру, въ закрытомъ распредѣлителѣ № 4, получилъ Яковъ Брандъ: головной уборъ, плюшевый картузикъ. У себя въ комнатѣ надѣлъ онъ картузикъ, подошелъ въ немъ къ окну; крыши были бѣлы; сумракъ густѣлъ; ворона купалась въ снѣгу, сползая внизъ грудью. Городъ былъ чужой, въ немъ тоже не было справедливости, какъ и вездѣ; далеко уходилъ своими снѣжными крышами, мертвый, бездымный, зимній. Яковъ Брандъ почувствовалъ слабость; онъ легъ на постель и понялъ, что силъ у него больше нѣтъ. Ночью лѣзла на него большая черная курица, злая, шипѣла, онъ гналъ ее; курица косилась, раскрывала клювъ, не уходила. Къ утру, сражаясь съ ней, онъ ослабъ; пальцы рукъ холодѣли, голова ушла въ подушку, и не могъ ее поднять. Большая, бѣлая, платяная наѣхала на него: у Якова Бранда начинался с ы п н я к ѣ. Черезъ два дня его увезли; вечеромъ на его постели спали валетомъ два военснца изъ Витебска.

Фаня служила, таскала со службы баранину, медъ, махорку. Учрежденіе работало, распредѣляло; коммуникаціонная линія растягивалась, на картѣ флажки завились цѣпочкой. Залушта сидѣлъ надъ картой, хрипѣлъ, писалъ:

«Черезъ двѣ недѣли авангарды подойдутъ къ заставамъ. Было бы неразумно подвергать городъ бомбардировкѣ. Надо перерѣзать желѣзнодорожныя линіи — и только. Вчера на окраинахъ и даже въ центрѣ появились

прыгуны: у нихъ фосфорическіе глаза, прыгають до двухъ аршинъ отъ земли на американскихъ пружинахъ, въ бѣлыхъ саванахъ, кричатъ: — Я не отпѣтый. — Это уже предзнаменованіе. Чую, чую».

Тетя Люба простила Фанѣ и бѣгство, и Ширяева. Вечеромъ дядя Лева читалъ новые декреты, тетя Люба вздыхала, Фаня сидѣла въ своемъ углу за роялемъ; ноябрь за окномъ ревѣлъ, мелъ снѣгъ, заметалъ прошлое, любовь, страсть. Къ дядѣ Левѣ приходили люди съ поднятыми воротниками, въ барашковыхъ шапкахъ, проходили въ нетопленный коридоръ: тамъ совѣщались — буль-буль-буль, — тетя говорила: — Опять пришли эти папиросники. — И разъ ночью, когда спала Фаня за роялемъ, и спали тетя и дядя, и домъ весь спалъ черный, — ночью забарабанили вдругъ: Фаня соскочила, дядя Лева соскочилъ — голосъ говорилъ за дверью: — Откройте. — У дяди Левы затряслась рука, подбородокъ добрый, съ ямкой, запрыгалъ, — сучилъ цѣпочку, не могъ сдернуть. И вошли: разомъ, густо, зарябило отъ папахъ, лентъ матросскихъ, — весь домъ перерывали: доставали тетины припасы, просыпали муку, стучали по трубамъ, становились на стулья, — забрали: бумаги, карту Залушты съ флажками, Залушту, дядю Леву, Окоемова изъ квартиры напротивъ. Маленькій лордъ Фоунтлерой запрятался въ гардеробъ, тамъ сидѣлъ чуть живой отъ страха. Передъ утромъ всѣхъ повезли: сквозь снѣгъ, метель, вѣтеръ.

Фаня утромъ побѣжала къ военкому; военкомъ пожалъ плечами холодно, помочь не хотѣлъ. Фаня ломала руки, побѣжала дальше: разузнавать, ничего не узнала, никуда ее не пустили. День былъ сѣрый, изо ртовъ шелъ паръ; за сѣрымъ днемъ налѣзъ другой, сѣрый — потя-

нулась глухая недѣля: тетя Люба лежала, Фаня бѣгала, уставала, снова бѣгала. На третьей недѣлѣ Залушту выпустили: былъ грузенъ, старъ, безвреденъ, поклялся, что сжегъ погоны отставного генерала. Залушта шелъ изъ тюрьмы черезъ городъ въ одной галошѣ съ мѣднымъ задникомъ, другую потерялъ, когда увозили; останавливался на углахъ, не могъ отдышаться, налитый водою. На стѣнахъ висѣли сырые газетные листы, возвращавшіе о побѣдахъ. На площади стояла страшная сколопендра, вся броневая, въ красныхъ флажкахъ, переползающая: отбитая; гнали толпу: въ лаптяхъ, въ шинелишкахъ, мелкорослыхъ — тамбовскихъ, самарскихъ, вятскихъ—мужиченковъ бѣлогвардейскихъ. Мужиченки прыгали, хлопали себя по бокамъ, дышали въ кулаки, —шли довольные: въ лагерь, на работу, — главное: не лѣзть въ атаку, когда нудно бубнить пулеметь...

Врага гнали, врагъ бѣжалъ. Залушта стоялъ на углахъ, читалъ сырые листы. Проходили съ музыкой: на коняхъ, съ пиками; въ церквяхъ не звонили. Залушта, наконецъ, дошелъ до дома, поднимался на пятый, отдыхалъ на подоконникахъ... Пришелъ и легъ. Лордъ Фоунтлерой два дня топилъ ему печурку, чтобы не замерзъ.

Дядя Лева сидѣлъ восемь дней въ комнатѣ, срѣзанной кегельбаномъ лѣстницы, сюда приводили, уводили, отъ оконъ дуло, рыжій клопъ выползалъ каждый вечеръ, но ждалъ у потолка, пока заснетъ: потомъ спускался. На тринадцатый день дядѣ Левѣ съ другими велѣли собираться: и повезли — на грузовикъ, въ черную ночь, солдаты съ ружьями стояли по бокамъ. Въ тюрьмѣ дядя Лева встрѣтилъ Окоемова, ритмическаго, бывшего офицера, пожали руки, обнялись, устроились по-

длѣ. Наконецъ, послѣ глухихъ дней забвенія, передали: три котлетки, два яичка вкрутую, — дядя Лева растерялся, замигалъ, всплакнулъ; одно яичко и котлетку отдалъ Окоемову, вмѣстѣ сидѣли, ѣли, посыпали крутой солью, ранились воспоминаніями. Окоемова обвиняли: въ сокрытіи офицерскаго званія, въ участіи въ заговорѣ: первое было вѣрно — Окоемовъ сознался; во второмъ не сознался, хоть и выступалъ разъ въ концертѣ, деньги съ котораго шли на усиленіе средствъ, — дѣло затягивалось. Дядю Леву обвиняли въ хищеніи, — дядя Лева багровѣлъ, вытягивалъ руку, но въ тюрьмѣ сидѣли папиросники, тѣ, что приходили на домъ съ поднятыми воротниками...

Окоемова на допросѣ спрашивали:—Чѣмъ занимаетесь? — Актеръ. — А раньше? — Студентомъ былъ — А офицеромъ? — И офицеромъ былъ. — Контръ-революціонеръ? — Революціонеръ. Служу революціонному искусству. — Слѣдователь сказалъ со скукой: — Это мы знаемъ. Красноармейцевъ кокаинъ нюхать учите. Теноръ? — Нѣтъ, драматическій. — Окоемова вызвали въ среду, въ половинѣ седьмого: переводили въ губернскую: Окоемовъ собралъ вещи, простился: изъ губернской выпускали, общалъ первымъ дѣломъ зайти, передать, кланяться... Его повели по коридору, долго вели переходами, дуло, несло холодомъ, за окнами былъ черный дворъ, ноябрь.

Объ Окоемовѣ черезъ день. въ сыромъ газетномъ листѣ на стѣнѣ написано было: б. оф., к-р., активный участникъ, артистъ драмы. — Солнце въ этотъ день выплыло, небо было синее. Съ фронта везли трофеи, на

площади стояли ужъ три сколопендры, опять пронесли высоко красный гробъ, у покойника въ ноздрахъ была вата. Залушта въ этотъ день написаль: «Коммуникаціонная линія растянулась, тыль оторвался, и все погибло. Отдаленность базъ сказалась роковымъ образомъ, и все гибнетъ, все гибнетъ. Рыбій жиръ уже весь раскупили, нигдѣ не достанешь. Говорять, бывшихъ генераловъ, даже пенсіонныхъ, переводять въ четвертую категорію и зачисляють въ тыловое ополченіе, т. е. чистить казармы, отхожія мѣста и пр... Пятый день не выдають хлѣба. Хорошо, что отобрали карту, чтобы не видѣть позора...» — Вечеромъ лордъ Фоунтлерой зашелъ къ нему затопить печурку. Залушта стоялъ у окна на стулѣ и доставаль съ полочки. Лордъ Фоунтлерой окрикнулъ его, тотъ не слыхаль. Онъ коснулся его ноги, и нога вдругъ поплыла, колыхнулась, не доставала до стула. Лордъ Фоунтлерой завизжалъ, бросился вонъ, расшибъ голову.

Въ церкви, два дня спустя, важный, моложавый, носъ съ горбинкой, съ лиловыми ногтями, Залушта лежалъ въ казенномъ гробу, по ордеру. Дьякъ бубнилъ, попъ кадилъ. Дымъ шель книзу, окуриваль фиміамомъ. Полка не дали: тоже обѣщали по ордеру, не прислали. Дворникъ дома № 4 взялся везти на салазкахъ. И повезъ на салазкахъ дровяныхъ: везъ споро, дорога была откатанная; уставаль, садился на гробъ, закуриваль. Залушта слушаль скрипъ полозьевъ, молодѣлъ, свѣжѣлъ подъ дощатою крышкой.

Зоя Успенская, прелестная, сѣроглазая, та, что съ саквояжикомъ бѣгала въ свою балетную школу, — прочла на стѣнѣ, на листѣ, имя Окоемова — и вдругъ за-

дрожала, стиснула зубы: хоть и стояла съ нимъ только въ очереди за водой. и разъ слышала, какъ онъ колетъ дрова и поетъ: — Ваши пальцы пахнутъ ладаномъ... — но было у Зои Успенской сердце женское, нѣжное, птичье, все ищущее: малаго себѣ искала пристанища сквозь всю кутерьму, смрадъ; было имя Окоемова уже трагическимъ, возвышеннымъ гибелью, — и о немъ вообразила Зоя, что онъ тотъ самый, котораго все ждала и пропустила навѣки... Зоя уже на носочкахъ ходила твердо, и пальчики прикладывала къ губкамъ, выбѣгая; и рѣшила теперь сказать всю правду одному человѣку, который жилъ въ казенной гостиницѣ, ѣздилъ въ машинѣ, поджидалъ Зою и провожалъ до дома, какъ самый равный, малый. Зоя пришла въ гостиницу вечеромъ, взяла пропускъ, оставила въ залогъ свидѣтельство, поднялась по красной лѣстницѣ, постучала въ матовыя двери. Она должна была сказать все, что думала, — рѣзко, безъ сожалѣнія, выразительно, — пусть и ее за это казнятъ; но у того въ номерѣ сидѣли два человека, на столѣ стоялъ чай. Тотъ удивился, просіялъ, предложилъ чаю. Зоя отказалась, сказала, что пришла по дѣлу. Тотъ настаивалъ, было неловко, гости молчали, Зоя отпила чай изъ чашки; тотъ смотрѣлъ на нее добрыми, любящими глазами, Зоя спросила о пустякѣ, допила чай, стала прощаться; ей было себя уже жалко до слезъ, ненавидѣла себя и за чай, и за справку. Но онъ провожалъ ее по коридору, даже поцѣловалъ теплую ея ладошку сквозь дырку перчатки. Зоя сошла на одну ступеньку и вдругъ сказала: — Я совсѣмъ не за этимъ пришла... я пришла сказать, что все очень скверно, такъ нельзя жить, я не могу больше видѣть васъ. За что разстрѣляли Окоемова? — Слезы отъ жалости

къ нему, къ себѣ потекли у нея. — Какого Окоемова? — спросилъ тотъ удивленно. — Окоемова, артиста... — Кто былъ Окоемовъ, не знаю, — сказалъ тотъ. — А разстрѣливаютъ въ переходное время... революція сурова. — Зоя хотѣла еще сказать, что все равно: пусть революція, переходное время, она его видѣтъ больше не хочетъ, чтобы никогда не смѣлъ приходить за ней. Но ничего этого не сказала и побѣжала внизъ. На другой вечеръ въ школу — онъ заѣхалъ за ней: она вышла съ нимъ молча, опять хотѣла сказать, что никуда, никуда съ нимъ не поѣдетъ, — но шофферъ уже открылъ дверку, говорить было поздно, она вошла. Потеплѣло, черный упругій вѣтеръ пахнулъ мартомъ; серебряная плѣсень звѣздъ проступала; машина несла, за городомъ повѣяло снѣгомъ, просторомъ; Зоя знала, что погибла, не стоитъ послѣдней загробной улыбки того, котораго такъ пропустила: милаго, нѣжнаго, самаго чуткаго.

Къ Фанѣ вдругъ пришелъ Веньяминъ Бруни, товарищъ Сашки, Александра Ширяева, въ папахѣ, со шрамомъ черезъ щеку, съ черной бородкой. Фаня провела его къ себѣ, за рояль. Бруни заявилъ, что ихъ центральный комитетъ постановилъ отомстить за погибшихъ товарищей и что имя Александра Ширяева внесено въ скорбный листъ и не погибнетъ. Онъ сказалъ Фанѣ, что объ ихъ отомщеніи она услышитъ — и ушелъ, исполнивъ долгъ. Фаня долго смотрѣла на обгрызанную карточку съ удостовѣренія, гдѣ на щекѣ Сашки былъ синій номеръ, всплакнула, — а Бруни шелъ и шелъ — шрамъ его багровѣлъ, Бруни долго всходилъ на шестой этажъ вымороженного дома, постучалъ, за дверью опросили, онъ сказалъ, что нуженъ зубной врачъ Кацъ; дверь открыли. Въ приѣмной зубного врача

сидѣли: Левинъ, Григорукъ, Паскевичъ. Дѣло должно было произойти завтра, въ 12: все было обдуманно, предусмотрено. Для отомщенія памяти Ширяева, террористическихъ актовъ, лабораторій, усиленія средствъ комитета — нужны были деньги. Вооруженная экспроприация была обдумана, взвѣшена, случайности учтены. Черезъ часъ Бруни вышелъ, опять шелъ упорно черезъ городъ, багровѣя шрамомъ. Въ половинѣ второго, на другой день, въ автомобилѣ семеро подъѣхали къ учрежденію въ переулкѣ: двое заняли выходъ, двое прошли во дворъ, трое поднялись наверхъ. Щелкали счеты, кассиръ стоялъ у желѣзнаго шкапа, барышни ѣли изъ мисочекъ супъ. Григорукъ выбѣжалъ впередъ, поднялъ револьверъ, крикнулъ всѣмъ поднять руки. Бруни и Паскевичъ ударили кассира по головѣ, онъ упалъ, стали кидать пачки въ мѣшокъ; вдругъ кассиръ вскочилъ и, закрывъ голову руками, побѣжалъ зигзагомъ, пригибаясь къ полу. Григорукъ выстрѣлилъ ему въ спину, кассиръ дернулся впередъ, рухнулъ, барышни завизжали; кто-то побѣжалъ къ боковымъ дверямъ, все ринулось, — Григорукъ сорвалъ съ пояса, кинулъ: все полетѣло, посыпалось, пыль, стекла, — они прыгали по лѣстницѣ внизъ, сверху кинули въ нихъ фунтовую гирю, счеты, — автомобиль уже двигался, они навалились на него на ходу, цѣплялись, перекинулись, — машина понесла ихъ; изъ воротъ выбѣжалъ вдругъ человѣкъ, всталъ на одно колѣно, вскинулъ, — Григорукъ присѣлъ, опрокинулся, на щекѣ его навертывалось пятнышко, потекло; сзади бѣжали, хлестали лошадь извозчика. Бруни вытянулъ руку, сталъ спускать курокъ разъ за разомъ, — свернули въ переулокъ въ снѣгу, — машина заскребла, колеса забуксовали, окуталась

дымомъ; лошадь сзади гнали, въ сани навалились шинели. Бруни выскочилъ, побѣжалъ съ мѣшкомъ, пробѣжали въ ворота, перемахнули черезъ заборъ, сзади бѣжалъ Паскевичъ, вдругъ присѣлъ, развернулся — опять вспыхнуло, бухнуло — свистъ, стекла... Бруни пробѣжалъ, оглянулся: Паскевичъ лѣзъ за нимъ черезъ заборъ — и вдругъ поползъ съ забора бокомъ, повалился въ снѣгъ. Бруни побѣжалъ дальше, желѣзные ворота были закрыты; онъ бросился къ двери, рванулъ ее, но дверь держали изнутри, не пускали; онъ побѣжалъ дальше по двору, присѣлъ за помойную яму — небо было сизое, тяжелое, снѣжное. Бруни переждалъ мигъ, услыхалъ за угломъ топотъ, сунулъ себѣ въ ротъ дуло и выстрѣлилъ.

По улицѣ бѣжали мальчишки, заглядывали: везли въ розвальняхъ — семь полушубковъ романовскихъ, люди лежали другъ на другѣ, солдатъ шагаль сзади съ ружьемъ дуломъ книзу, лошадь шла мѣрно; Бруни лежалъ лицомъ на чужомъ плечѣ.

У всѣхъ папиросниковъ были семьи, и папиросники были дѣльцы, изворотливые, — дядя же Лева обмякъ, запутался сразу на первомъ допросѣ: все было противъ него; девять разъ водили его на допросъ, девять разъ давалъ онъ разныя показанія. На второй мѣсяцъ опухшаго, обросшаго, вялаго, его везли черезъ городъ судить. На скамьѣ, въ бѣлой залѣ, дядя Лева сѣлъ между двухъ солдатъ; сидѣлъ напротивъ военкомъ, насупленный, не узнающій; сидѣли въ публикѣ папиросники, уже свободные; сидѣла Фаня съ Зублевичъ-Зублевской — бѣлая, безмолвная. Скоро позвонили, обвинитель съ портфелемъ сразу назвалъ дядю Леву тунеядцемъ, перечелъ все его показанія, запутанныя, привелъ пока-

занія папіросниковъ — гражданинъ Левъ Львовичъ Левъ былъ воръ, тунеядецъ, — онъ требовалъ для него высшей мѣры. Потомъ говорилъ защитникъ: не отрицалъ ничего, просилъ снисхожденья, указывалъ на работу, говорилъ объ раскаяннѣ, старости; судъ ушелъ: совѣщался, Фаня смотрѣла впередъ черными невидящими глазами, дядя Лева расплылся — сидѣлъ уже мертвый, бѣлый, недвижный. Папіросники курили въ коридорѣ. Предсѣдатель вернулся, опять позвонили, всѣ снова налѣзли, стало тихо: за окномъ стопорилъ мотоциклетъ. Предсѣдатель объявилъ: согласиться съ доводами обвинителя, подвергнуть высшей мѣрѣ.

Зублевичъ-Зублевская везла Фаню на извозчикѣ: Фаня взошла на пятый этажъ, увидѣла тетю, икнула, повалилась на стулья. Ночью лежала въ своемъ углу за роялемъ; рогъ мѣсяца висѣлъ за окномъ; пѣли арфы; дежурилъ лордъ Фоунтлерой возлѣ обѣихъ: дремалъ на стулѣ; свѣсивъ худыя ножки въ штопанныхъ чулкахъ. Ночь проходила, прошла, арфы становились глуше, мѣсяцъ меркъ. Дядя Лева, веселый, молодой, подошелъ къ постели, улыбнулся, провелъ ледянымъ пальцемъ по щекѣ Фани.

Зублевичъ-Зублевская продолжала уроки съ Ньюшей: Ньюша стояла у рояля, съ нотами трубочкой; надъ роялемъ висѣла охранныя грамота на рояль, комнату, вещи, производство обыска: какъ у пѣвицы. Пока Ньюша выступала въ концертахъ: въ районахъ; зарегистрировалась, имѣла право хранить мѣха, брилліанты — подношенія публики. Мужъ Ньюши привезъ съ санитарнымъ муки, муку расхватили на рынкѣ: Ньюша купила манто изъ котика, купила для гостиной Айвазовскаго: прибой, волна въ разводахъ, корабль подъ парусами. Въ клубѣ

«Звѣзда» она выступала, имѣла успѣхъ — вмѣстѣ съ лучшими актерами; вмѣстѣ-же съ ними тряслась ночью на грузовикѣ: было неудобно, холодно, тѣсно, но блаженно: терпѣла муку актерскую, ради искусства. Подъ Рождество устроила вечеринку, созвала актеровъ, вмѣстѣ выступавшихъ: актеры пришли охотно, голодные, съ озябшими носами. На столѣ стояли гусь, спиртъ, пирогъ съ ливеромъ. Актеры оттаяли, съ непривычки развезло, было шумно; Нюша пѣла, Зублевичъ-Зублевская аккомпанировала. Когда расходились, Нюша въ передней за игру въ бумагѣ сунула Зублевичъ-Зублевской два куска гуся: та хотѣла обидѣться, вернуть, — но гуся взяла. Ночью маленькій лордъ Фоунтлерой грызъ гуся, смѣялся отъ блаженства, давился и перхалъ отъ сытости.

Къ Якову Бранду черная курица приходила еще восемь разъ: каждую ночь. Теперь онъ зналъ ее и зналъ часъ, когда она появлялась. Курица приходила злая, обиженная, клевала его, — онъ все хотѣлъ ее задушить, обливался потомъ, не могъ поспѣть за трепыхающимъ своимъ сердцемъ, задышался; кругомъ стонали, бредили, бродили — ихъ схватывали, клали обратно. На девятую ночь курица не пришла, онъ уснулъ въ первый разъ: сердце отходило, переставало трепыхаться. Утромъ — увидѣлъ день, бѣлое окно, свое худое колѣно бугромъ подъ желтой казенной простынею; онъ былъ слабъ, желтъ, небритъ, чувствовалъ голодъ. Бѣлая, платяная уползала далѣе: Яковъ Брандъ возвращался къ жизни, хотѣлъ любить, трудиться, жить. На костыляхъ, желтый, черезъ двѣ недѣли, онъ вышелъ въ первый разъ; была оттепель, сѣрый снѣгъ въ оспинахъ; на бульварѣ мартовскимъ крикомъ кричали вороны; Яковъ

Брандъ шелъ съ костылями, сердце его замирало, было открыто всѣмъ людямъ: но всѣ спѣшили мимо. Еще черезъ недѣлю, въ общежитіи № 34, ему выдали саквояжикъ, ордеръ на комнату былъ просроченъ, въ немъ жила ужъ послѣ военспецовъ дѣвица, ходившая въ мужскихъ сапогахъ. Яковъ Брандъ остался безъ крыши, подъ которой могъ бы работать, обдумывать, мыслить. Задыхаясь, онъ побрелъ въ то учрежденіе, гдѣ обѣщали его стихи напечатать. Въ учрежденіи было попрежнему дымно, барышни бесѣдовали другъ съ другомъ, — секретарь, народный поэтъ, былъ другой: черный, вихрастый. Рылся въ папкахъ, переспрашивалъ фамилію, выдвигалъ ящики: наконецъ, нашелъ: стихотвореніе подлежало возврату. Яковъ Брандъ взялъ стихи, надѣлъ плюшевый свой картузикъ, ночевать ему было негдѣ. До сумерекъ простоялъ онъ въ хвостѣ у бесплатной столовой, похлебалъ горячей воды съ капустнымъ листкомъ, ночью искалъ пристанища. Улицы были черны, въ мартовской черни, посвистывалъ вѣтеръ въ разбитыя стекла магазиновъ и кафе; — Яковъ Брандъ зашелъ въ темный подъѣздъ громаднаго дома, пробрался подъ лѣстницу, въ бывший уголъ швейцарскій, нашелъ немного соломы — и уснулъ, спиною къ стѣнѣ.

Къ утру онъ застылъ, ноги не выпрямлялись; на костыляхъ, наконецъ, заковылялъ дальше. Сырой восходилъ день, мартовскій, трудный — Яковъ Брандъ ползъ къ Фанѣ. Фаня въ черномъ встрѣтила Бранда въ передней, не узнала: всплеснула руками, побѣла въ свой уголъ, рассказала про горе... Яковъ Брандъ согрѣлся возлѣ печурки, посмотрѣлъ на дымъ, который клубился за форточкой, и сказалъ: — Здѣсь тоже нѣтъ спра-

ведливости. Все-таки здѣсь можно умереть съ голода, и никто не узнаетъ, никто не пожалѣетъ. Мнѣ вмѣсто пайка выдали картузъ, я никогда въ жизни не носилъ картузовъ. А съ чего мнѣ жить? — Фаня устроила его, пока окрѣпнетъ, въ коридорѣ, на сундукѣ. Яковъ Брандъ лежалъ на сундукѣ, старался окрѣпнуть, писалъ стихи; лицо его свѣтлѣло, глаза подъ очками были огромные. Онъ рѣшилъ вернуться назадъ, въ родной городъ, гдѣ не было справедливости, но гдѣ никто еще не умеръ отъ голода; черезъ недѣлю, безъ денегъ, съ однимъ пустымъ саквояжикомъ, онъ прощался, отправлялся въ путь: Фаня дала ему на дорогу котлетокъ, хлѣба. Вечеромъ съ толпой, подъ ревъ, гикъ, стрѣльбу, спотыкаясь, ринулся и онъ съ вокзала къ путямъ; по дорогѣ онъ потерялъ костыль; на крышахъ чернаго поѣзда уже лежали, висѣли на ступенькахъ, бились за разбитыми окнами. Якова Бранда толкнули, онъ упалъ, ухватился за чьи-то плечи; его били по рукамъ, но онъ цѣплялся — на плечахъ кого-то вползъ въ вагонъ; въ вагонѣ было черно, онъ зацѣпился за узелъ, упалъ, — на полу лежали люди; гдѣ-то подъ скамейкой, въ углу, онъ устроился: положилъ чемоданчикъ подъ голову, сразу ослабѣлъ. Скоро паровозъ заревѣлъ, вагоны толкнуло, заскрежетало — поѣздъ пошелъ; съ подножекъ торчали ноги; на крышахъ устраивались на ночлегъ, мертвый городъ оставался позади; впереди были: путь, пространства, снѣгъ. На большой станціи ночью новые полѣзли къ вагонамъ, ихъ били сверху, сзади грохнуло: стали стрѣлять. Яковъ Брандъ лежалъ, закрывъ глаза: возвращался домой, на родину.

Въ родномъ городѣ Якова Бранда были бѣлые, потомъ зеленые, потомъ была Маруся, жупанники, фронтъ

товики, атамановцы; наконецъ, всѣхъ прогнали, разбили, пришли красные, пришла Чека. Чека сразу принялась за чистку: разстрѣляла остатки матросовъ, фронтовиковъ, разстрѣляла Марусю, разстрѣляла нотаріуса Агрикопуло; погромъ прекратили, напуганные евреи выползали, совѣщались на углахъ, размахивали руками; хоронили, причитывали. Чека заняла на площади домъ Лимонада; у подъѣзда и воротъ стояли часовые; верховые гарцовали по городу, провѣряли документы, гнали пойманныхъ. Яша-Японецъ ѣздилъ въ саняхъ съ мѣховой полостью, въ кожаномъ картузѣ, съ коробкой револьвера у пояса. Евреи скоро снова попрятались, магазины стояли съ разбитыми стеклами, въ воскресенье утромъ окружили базаръ, все забрали: мужики перестали возить въ городъ муку, масло, яйца; приходилось ловчиться, доставать въ деревняхъ на обмѣнъ: пятерыхъ задержали съ бѣльемъ, съ старыми юбками—отобрали, препроводили въ отдѣлъ по борьбѣ съ спекуляціей. Въ ночь на воскресенье въ городѣ производился обыскъ: искали золота, продуктовъ, дезертировъ. Золота нашли мало, продуктовъ много, дезертировъ пригнали толпу; днемъ у воротъ стояли родственники хвостомъ.

Въ городѣ вдругъ появились воззванія, разбрасывались неизвѣстно кѣмъ: въ нихъ было сказано, что другъ близко, чтобы были готовы, что новая власть несетъ хлѣбъ, законъ, справедливость, защищаетъ крестьянъ, защищаетъ помѣщиковъ, борется съ погромами, борется съ еврейскимъ засиліемъ, — словомъ, защищаетъ интересы всѣхъ. Чека была поставлена на боевую ногу, стояли посты, ночью разъѣзжали патрули. За день до пріѣзда Якова Бранда въ

родной городъ, заговоръ былъ раскрытъ, зачинщики схвачены, городъ перерывали.

Поѣздъ съ Яковомъ Брандомъ, между тѣмъ, ползъ, стоялъ, дожидался, пока чинили путь, ползъ дальше; паровозъ портился, ждали въ полѣ присылки новаго; ночью сошелъ съ рельсъ вагонъ — кто-то подложилъ шпалу, — снова чинили, копошились, — въ вагонахъ ежились, бредили, умирали; на станціяхъ выносили, клали на товарной платформѣ. Наконецъ, утромъ поѣздъ пришелъ въ родной городъ. Яковъ Брандъ вылѣзъ, побрелъ, шатаясь, глоталъ воздухъ, узнавалъ вокзалъ съ разбитыми окнами, деревянный мостъ черезъ рѣчку, мутно стынувшую; двѣ ракиты патлаты, оттепельную, ржавую, сырую дорогу въ городъ, съ мертвыми вывѣсками по сторонамъ; у продовольственной лавки стояла ранняя очередь, жалась, зябла; на площади строились солдаты — невыспавшіеся, въ мокрополыхъ шинеляхъ; изъ тюрьмы вели арестантовъ съ лопатами; ставни на домахъ еще были закрыты — дома спали: зеленые, красные, бурые — деревянные. На Торговой улицѣ висѣли красныя вывѣски: складъ № 1, № 7, № 12, — все было казенное. На углу стоялъ еврей въ шляпѣ съ полями, съ бѣлыми пейсами; стоялъ и смотрѣлъ безъ мыслей, губы его шевелились, шептали.

Яковъ Брандъ дошелъ до родного дома, знакомаго, голубого, съ цвѣтами на окнахъ, долго стучалъ: дверь, наконецъ, открылъ солдатъ съ серьгой въ ухѣ, спросилъ, что надо. Яковъ Брандъ хотѣлъ пройти въ домъ, но солдатъ крикнулъ, что домъ реквизированъ, а канцелярія откроется въ 10. Яковъ Брандъ посмотрѣлъ на дверь и увидѣлъ бѣлую вывѣску: — Канцелярія штаба. — Черезъ часъ у родныхъ, на улицѣ Лассаля, онъ

узналъ, что отецъ уѣхалъ въ Кіевъ еще при жупанникахъ, съ тѣхъ поръ сгинулъ, вѣсти о себѣ не давалъ; что домъ его реквизированъ и вещи всѣ реквизированы. Яковъ Брандъ устроился пока въ кухнѣ, а черезъ день, когда докатилась и сюда ликвидація заговора, его задержали и повели въ Чека. Яковъ Брандъ сидѣлъ въ бывшей людской Лимонадъ, отсюда выводили, приводили новыхъ взамѣнъ; утромъ его повели къ слѣдователю. Слѣдователь двигалъ ушами, нюхалъ воздухъ, смотрѣлъ однимъ глазомъ. Онъ спросилъ, не онъ ли сынъ бѣжавшаго съ жупанниками Бранда; зачѣмъ пріѣхалъ и именно теперь; почему не явился для регистраціи; откуда въ его саквояжикъ казенная гимнастерка. Яковъ Брандъ отвѣчалъ; слѣдователь шурился, усмѣхался, игралъ карандашикомъ. Когда Яковъ Брандъ кончилъ, онъ написалъ въ уголкѣ мелко. Якова Бранда увели, ночь проводилъ онъ безъ сна. Стучала капель, весна шла: мартовская луна свѣтила. Онъ лежалъ съ открытыми глазами; вѣтеръ катился широко. Яковъ Брандъ думалъ, былъ грустенъ, спокоенъ, сочинялъ стихи; въ вѣтрѣ пѣли арфы, струны рокотали. Яковъ Брандъ поднялся на локтѣ, подумалъ, написалъ на стѣнѣ обгрызаннымъ карандашикомъ:

«Тихій вечеръ, талый снѣгъ,
Ко мнѣ приходилъ человѣкъ,
Пѣлъ пѣсню...»

КОВЫЛЬ СКИѠСКІЙ

Изъ грота сталактитоваго внизъ ступеней инейныхъ двѣсти семьдесятъ три; въ гротѣ сталактитовомъ ряды книжекъ мороженныхъ, Пушкинъ курчавобакій съ рукою подъ пледомъ. Внизъ по ступенькамъ и далѣе, по улицамъ снѣжнымъ, шагаетъ человѣчекъ: въ шапкѣ-уханкѣ, въ одѣяло завернутый, на ногахъ для тепла дорожка ковравая, веревками перевязанная. Всѣ люди шагаютъ тропою мышиною: служить, мѣнять, продавать. Какъ раньше: изъ странъ заморскихъ, на баркахъ, приѣзжали мѣнять — на мѣдь, на жито, на стадныхъ кобылъ, похаживали купцы греческіе, чернобородые, — похаживаютъ теперь изъ странъ заморскихъ — рязанскихъ, симбирскихъ чудь, меря тѣ же: мѣняютъ пшено на лисій салопъ, на шинель генеральскую — сало. Изъ степей, съ просторовъ — скиѣы, голые, разутые, степью ожженные. Скиѣы съ товарами скиѣскими: обмѣнъ — полпуда зерна за подсвѣчникъ серебряный.

Скиѳія степная: степь, воронье, деревенька утлая, рѣчка подъ взгорьемъ: въ рѣчугѣ жидель, зелень, утки. Путникъ: человѣчекъ въ шапкѣ-уханкѣ, въ одѣяло обернутый, съ ковромъ на ногахъ — бредетъ въ Скиѳію: ѣхалъ пять сутокъ — трое тепло на мѣшкахъ, на людяхъ двое — пристроился; — подъ вѣтромъ степнымъ, косой дождь несущимъ, добрелъ.

Баба окно локтемъ толканула:

— Мѣнять что ли, милокъ?

Изъ бороды надъ бабою выперло: — Заходи, гражданинъ, потолкуемъ.

Разговоръ:

— Хламиду эту не выкроишь.

— Сюртукъ хорошій.

— Намъ ни къ чему. Абы ситчику. Изъ небели нѣтъ ли чего?

— Мебель не провезешь.

— То-то и оно. Картохлю нельзя, самимъ для посѣва осталось. Овса дамъ полпуда.

— А что съ овсомъ дѣлать?

— Куръ будешь кормить, занесутся — опять тебѣ польза.

Человѣчекъ съ тремя пудами картошки вечеромъ движется: дождь пронесло, надъ краемъ степи ссадина рдяная: скиѳская заря. Позади: темныя избы съ лучинами, гати, туманы, проселки; на степи — костяки, сова пролетитъ. Впереди — дороги чугунныя, ползетъ поѣздъ; изъ вагоновъ головы, руки; на крышахъ — рукавъ въ рукавъ, съ тютюномъ-носогрѣйкой человѣчскій коконъ: замерзнуть — снимутъ.

На пути запасномъ, на станціи узловой — надъ вагономъ-теплушкою гроздь за гроздью рветъ вѣтеръ:

искры цыганскія въ степь уносить. Вагонъ — депутатскій; надъ вагономъ въ небѣ соленныя звѣзды. Въ вагонѣ, начесавшись, у печурки красной намлѣвшись, улеглись депутаты съ крестьянскаго сѣзда: со степи, изъ улусовъ, изъ селъ чалдонскихъ — верхами на конькахъ въ сѣдлѣ деревянномъ, на арбахъ — сѣзжались депутаты на сѣздъ; въ гимназіи упраздненной, на партахъ многотумно сидѣли, рѣшали: сдавать ли овецъ до стрижки, какъ землю дѣлить, какъ относятся къ власти — вопросы трудные. Насчетъ овецъ раскололись: одни — до стрижки сдавать, другіе — по осени; насчетъ власти сошлись: признаютъ, только ходатайствуютъ насчетъ налоговъ. Делегаты ѣхали: отъ киргизовъ, чалдоновъ кланяться земно, съ самимъ Ленинымъ обо всемъ толковать поподробнѣй.

Ночь. Идетъ товарный: цистерны, цистерны; на цистернѣ, ноги поджавъ, татаринъ изъ Казани: ѣдетъ за хлѣбомъ. Ночь, дождь, полустанокъ мокрый. Кондукторъ проходитъ съ фонаремъ скользящимъ.

— Слѣзай.

Татаринъ молчитъ.

— Слѣзай, морда. Нельзя пассажирамъ ѣхать, особый поѣздъ.

Татаринъ молчитъ. Кондукторъ фонарь ставитъ на землю, беретъ за плечо; татаринъ на него клонится, валится: мертвъ.

За стѣнами казанскими — воля, просторъ татарскій. И вѣтеръ, вѣтеръ временъ: лежитъ Русь подъ вѣтромъ, отъ воли татарской до воли монгольской — по одной сторонѣ курганы Батыя, по другой — слѣды Тамерлана. Несетъ, несетъ Селенга воды большія, бре-

дутъ караваны въ дряхлый Китай,—лежитъ по проселкамъ, въ перелѣсахъ и рощахъ, пняхъ и болотахъ, лѣсахъ и полянахъ, въ селеніяхъ нищихъ, въ туманахъ, туманахъ — лежитъ Русь: молокомъ каримъ монгольскимъ, молокомъ кобылымъ татарскимъ вспоенная.

Поѣздъ на полустанкѣ стоялъ до утра; татаринъ лежалъ рядомъ. Когда ободняло, сзади, въ морокѣ, фонаремъ мазнули по сини, свистнули; паровозъ помолчалъ, заревѣлъ, громыхнуло — поползъ поѣздъ: въ утро сизое. Къ татарину собака подошла, понюхала, дальше побѣжала, поджавъ хвостъ.

Человѣчекъ въ шапкѣ-уханкѣ, на мѣшкѣ картошки, на людяхъ — спалъ, головой ныркалъ, — поѣздъ везъ, везъ. И уже ждетъ бѣлый листъ:

О Пушкинѣ. Глава третья. Вопросъ о домѣ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ 18... году по возвращеніи изъ с. Михайловскаго. Какъ извѣстно, вернувшись въ 18... году изъ с. Михайловскаго, Пушкинъ поселился на Арбатѣ. Невыясненнымъ до послѣдняго времени оставалось, въ какомъ именно домѣ Пушкинъ остановился. Нынѣ удалось установить путемъ сличенія матеріаловъ... —

— это въ гротѣ сталактитовомъ; въ гротѣ сталактитовомъ — ряды книжные, столъ, — на столѣ: рукопись, книги, чашка съ кофейною гущей, Примусъ, на стѣнахъ Пушкинъ курчавобакій съ рукою подъ пледомъ, — Пушкинъ въ мундирѣ лицейскомъ, Пушкинъ голошей. Изъ грота просвѣтъ — муарово-льдистый; въ просвѣтѣ крыша бурая, ворона мокрая. Лица: челѣчекъ въ одѣялѣ (три пуда картошки въ углу) — Стра-

шунцевъ, Илья Николаевичъ, 38 лѣтъ, спеціальность — исторія литературы; Гоголевъ, военспецъ, лѣта неизвѣстны. По поводу Пушкина:

— Вотъ вы все: Пушкинъ, Пушкинъ... (Гоголевъ), — а что Пушкинъ такого написалъ. Все природа, природа, помѣщики... помѣщиковъ звонъ — тю, дымъ остался, природу тоже на топливо... Это такъ — одного почитанія ради.

Страшунцевъ — (глухо, торжественно) — Россія не можетъ погибнуть, если есть Пушкинъ.

— Не только не можетъ, но и погибла отлично, и стерженька не осталось.

— Это самое ужасное, что я слыхалъ за всю революцію.

Ночью снѣгъ мететь, бульвары заметаеть. Сторонкой, руки въ карманы, Гоголевъ возвращается — для дозора документъ въ перчаткѣ (чтобы не доставать далеко). Въ тьмѣ: — Стой. Ваши документы. — На домахъ, замороженныхъ подъ вѣтромъ ноябрьскимъ, желѣзо громыхаетъ. Спичка къ носу, освѣтитъ: усъ индѣющій, глазъ карій, — снесло огонекъ, идетъ дозоръ дальше. Средневѣковье — чума, чума, только у аллебардщиковъ манлихеръ новенькій, шестипатронный. На вязи бульварной, сахарно-бѣлой, — воронье: пугачевское, — при Павлѣ сидѣло такъ, орало въ дворцовомъ саду, когда шли переходами. Воронье, метель — Русь исконная. За бульварами мракъ, Гоголевъ въ переулкѣ шагаетъ, посреди мостовой (документъ въ перчаткѣ), въ прорѣзи дверной глазъ мигнулъ, замаячилъ, — впустили. Гимназистъ, блѣдно улыбаясь, сказалъ: — А я не узналъ васъ... думалъ бандиты. Ужасно непріятно, когда шинель...

Гоголевъ добрелъ до шестого, въ шинели (печку не сталъ растоплять) — повалился, сверху навалили одѣяло, подушки, газеты, окунулся: въ сонъ теплый.

Человѣчекъ въ шапкѣ-уханкѣ въ 7^{1/2} утра въ гротѣ сталактитовомъ таинственно возится: вотъ ударъ по колесу, высѣкается искра, льется, булькая, жидкость въ латунное нѣдро пузатаго демона, сине-желтымъ пламенемъ обволакивается демонъ, пламя тянется, переходитъ и льется, короткія движенія поршнемъ — и ровно, синевато, шумно горитъ латунная душа перваго, примуса, среди равныхъ.

Немного алхиміи:

— Возьми двѣ части зерна жженаго, одну часть желудей толченыхъ, смѣшай, опусти въ кипятокъ, дай распариться, налей жидкость въ стаканъ, возьми изъ бѣлой бумажки кристалликъ, распusti въ теплой водѣ; когда протянутся хрустальныя ниточки, влей ложечку въ первую смѣсь. Пей, будешь здоровъ. Остатка не выплескивай, добавляй кипяткомъ. Элексиръ жизни.

Въ половинѣ восьмого, въ одѣялѣ на плечахъ, человѣчекъ двѣсти семьдесятъ три ступеньки сбѣгаетъ, спѣшитъ. Арбатъ, домъ № 32, закрытый распредѣлитель, «Оптикъ, механикъ, пенснэ», — въ воротахъ татаринъ: — Продаешь одѣяло? — Мнѣ нуженъ предсѣдатель домоваго комитета. — Брукъ нѣтъ-ли, дорого платимъ. — Человѣчка во дворъ мальчишка ведетъ, по лѣстницѣ кошащей, на 5-й этажъ. Разговоръ, на пятомъ этажѣ, у преддомкома (утромъ, передъ службой, пьетъ чай, обжигаясь, пишетъ постановленія, пріемъ насчетъ

прописки и выдачи продвольственныхъ, табачныхъ и керосинныхъ карточекъ).

Страшунцевъ: — (человѣчекъ въ одѣялѣ) — Вы предсѣдатель домового комитета?

Предсѣдатель: (Угрюмо, подозрительно) — А зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

— По дѣлу общественной важности.

— Насчетъ комнатъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Сейчасъ, шубу надѣну. Вотъ холодъ, не натопись. Вѣтеръ есть?

— Небольшой. Позвольте представиться: я Страшунцевъ, историкъ литературы.

— Насчетъ уплотненія въ квартирѣ 3?

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ необходима справка, которая можетъ послужить къ выясненію невыясненнаго момента изъ жизни Пушкина.

— Такой въ домѣ не значится.

— Пушкина, Александра Сергѣевича... поэта Пушкина. Видите-ли, я составляю о немъ изслѣдованіе и, по сличеніи ряда матеріаловъ, мнѣ удалось выяснить, что въ 18... году, по возвращеніи изъ Михайловскаго, Пушкинъ проживалъ именно въ этомъ домѣ. Мнѣ нужно знать, кому принадлежалъ домъ этотъ прежде.

Предсѣдатель: (Подумавъ) — А у васъ мандатъ есть?

— Вотъ карточка...

— А печать гдѣ? Печать—серпъ и молотъ—тогда дѣйствительно.

— Но вѣдь васъ ни къ чему не обязываетъ, только справку.

Предсѣдатель: — Вы думаете, я не понимаю, къ чему вы клоните. Все это насчетъ третьей квартиры одна клевета.

Человѣчекъ въ шапкѣ-уханкѣ приходитъ пять дней подрядъ. Наконецъ, на пятое утро тотъ же мальчишка ведетъ его во дворъ къ вдовѣ слесаря. Вдова слесаря сообщаетъ, что жилъ такой, только недолго, человѣкъ извѣстный, въ родѣ генерала, не то Пушкинъ, не то Пушкиревъ. (Вдова слесаря, Арина Ивановна Ключникова—къ матеріаламъ по изученію Пушкина.)

Развѣ страшенъ міръ, когда есть въ углу три пуда картошки, когда синеватымъ огнемъ ровнѣ горитъ латунный демонъ — и вотъ готово уже, вскипаетъ бѣлою пѣною сытное ѣдово пшенное. Гоголевъ, вы, вы, военспецъ, поймете ли, что когда ѣдово — одна категорія, малая необходимость, и духъ — категорія вторая, — тогда въ ночи, въ первомъ часу, въ спящемъ домѣ, съ дежурящимъ гимназистомъ съ отточеннымъ разрѣзальнымъ ножомъ (на всякій случай, въ томикѣ Чехова), — въ первомъ часу вспыхиваетъ на двѣсти семьдесятъ третьей ступенькѣ, въ сталактитовомъ гротѣ — Пушкинъ жемчужно для духа бодрствующаго, ибо домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ по пріѣздѣ изъ Михайловскаго становится судьбой родины. И въ первомъ часу выводитъ сокровенно рука: — по сличеніи матеріаловъ и показаній: Пушкинъ въ 18.. году по пріѣздѣ изъ Михайловскаго жилъ въ домѣ № 32 по Арбату, гдѣ нынѣ закрытый распредѣлитель, оптикъ, механикъ, пенснэ и вдова слесаря, Арина Ивановна Ключникова.

И ночью, въ первомъ часу, на посту, у моста; кричитъ китаецъ: — Стой. Кто идета?

Мостъ русскій, рѣка русская, китаецъ тоже русскій — въ формѣ военной, русской. Ночью на льду метелицей кисею вздуваетъ — и кричитъ въ тѣмѣ китаецъ:

— Кто идета? У, сволось! — тѣму, метель, мостъ, рѣку, Россію сторожитъ — воротникъ шинелишки дражный, вокругъ глаза косога ледяное кольцо; лежитъ Русь тушею бѣлою, саванами закиданная, по всему простору великому.

За мостомъ Алешки, селенье убогое. Надъ Алешками тѣма — пермская, кодяная. У Фрола Калинина, на выселкахъ, въ банѣ, при лучинѣ, военный совѣтъ: полковникъ Груздевъ, полковникъ фонъ-Дервизъ, есауль Али-Бекъ, — совѣтъ бѣлый. Контръ-развѣдка: хорунжій Жемчужниковъ, поручикъ Рамахашвили, лазутчики съ ногами обмороженными, въ тряпье укутанными.

И: — деревня Дральково, селеніе нищее, изба Воропаева—, при лучинѣ товарищи Лагуновъ, Зоммерфельдъ, Яковенко — совѣтъ красный. Горитъ, горитъ лучина. (Оттого, что три года дорогъ разбитыхъ, тифа, усобицъ, горѣла на Руси лучина, — къ лучинной пѣснѣ вернулись, поютъ вечерами въ избахъ пѣсни лучинныя).

Между бѣлымъ совѣтомъ, между краснымъ совѣтомъ — рѣка въ саванахъ вьющихся, надъ рѣкой мостъ желѣзнодорожный, у моста китаецъ въ русской шинели.

За мостомъ, по лѣвую сторону, у Фрола Калинина — бѣлый совѣтъ. За мостомъ, по сторону правую, въ деревнѣ Дральково, въ избѣ Воропаева — совѣтъ красный. Диспозиція бѣлыхъ:

А — остатки дивизіи полковника Брендера,
В — добровольцы, пополненные мобилизованными,
С — прикрытье ударниковъ — больные, тифозные.

По даннымъ контръ-развѣдки: селенія Хлыстово, Дральково, Каргановка — въ рукахъ непріятеля. По донесеніямъ начальниковъ частей: войска деморализованы, раздѣты, процентъ тифозныхъ заболѣваній громаденъ, эвакуація города N произведена безпорядочно, масса цѣннаго имущества брошена на произволъ.

Изъ бумагъ военнаго совѣта въ селеніи Алешки, у Фрола Клинина:

Шифръ: «В. срочно В. секретно. На основаніи распоряженія высшаго командованія мостъ черезъ рѣку Алешки долженъ быть взорванъ въ ночь на...»

Съ выселокъ вышли втроемъ: стынуть ноги въ опоркахъ, — лазутчики съ выселокъ до обочины поля дошли, поползли по снѣгу.

— Кто идета? Сисась стрѣляю... — кто волкомъ взвоетъ во тьмѣ, захохочетъ, бѣлымъ саваномъ промаячитъ. Вытягиваетъ Китай ружье, палитъ въ тьму, глядитъ глазами раскосыми, все ищетъ, — ползутъ лазутчики, ползутъ по мосту, закладываютъ патронъ — ползутъ назадъ, въ тьму, въ мглу, въ метель. Потомъ разомъ вздуваетъ пасть красный драконъ, видитъ Китай: родныя поля каоляна, стоитъ у нищаго домика мать и зоветъ его нѣжно. И пока къ матери, къ матери, къ матери идетъ онъ, бѣжитъ кабанъ съ черными пятнами, съ рыломъ тупымъ, валитъ его сразбѣгу на землю, и рыломъ тупымъ, клыкомъ острымъ рветъ, рветъ, рветъ...

Еще черезъ день въ деревнѣ Дральково на совѣтѣ военномъ подписанъ приказъ: наступленіе съ разсвѣтомъ. Метель улеглась, звѣзды въ развалинахъ облаковъ. Товарищи Яковенко и Зоммерфельдъ. Говоритъ Зоммерфельдъ:

— Обезцѣненіе человѣческой жизни. Стоялъ на мосту постъ, мостъ подорвали, троихъ убило. Лазутчиковъ перехватили, сегодня разстрѣляли: такъ просто — самые простые будни.

— А я думаю такъ: война — жестокость, уничтоженіе — вѣрно. Но война и утвержденіе: сегодня насъ двое, завтра тебя убило. Я остался одинъ — и вкупѣ, за тебя, утверждаю свою личность, потому что чувствую, что не раненъ, могу мыслить, прочно стою на землѣ. Это конечный смыслъ: уничтоженіе одного служить къ утверженію личности другого. Императивъ.

— Кантъ вѣрилъ въ звѣзды и въ нравственный законъ.

— И я въ него вѣрю, только думаю, что нравственный законъ не абсолютенъ, а относителенъ: бѣлые подорвали мостъ, троихъ убили — они думаютъ, что это нравственно, ибо служить къ достиженію ихъ цѣлей; мы разстрѣляли троихъ — и по нашему это нравственно, ибо служить къ достиженію нашей идеальной цѣли, которая, конечно, нравственна, ибо кровь отвергается.

Скрутили цыгарки: махоркой пахло уютно.

Тоже изъ архива въ селеніи Алешки: изъ донесенія—аллюръ XX—«наступленіе развивается концен-

трически. На правомъ флангѣ наши части отошли на линію Елка-Семежово-Тарыкино. Справа обнаружился сильный обходъ крупными частями противника».

Въ два часа дня, когда обходъ обнаружился, штабъ, подъ прикрытіемъ отряда поручика Рамахашвили съ десяткомъ оборванныхъ, черныхъ отъ копоти офицеровъ, бросивъ архивъ, отступалъ на подводахъ, верхами — въ торжественную вошелъ тишину.

Въ лѣсу жемчужномъ, пилою елей островерхихъ пилившемъ небо, уходили въ молчаніи. Позади были кровь, отчаяніе, поражение; впереди — лѣса, таежная глушь, бѣлка на суку поглядѣла бочкомъ, глазкомъ чернымъ.

Еще изъ архива штаба:

«Пишу это письмо подъ непрерывную канонаду. Красные съ утра начали наступленіе. Положеніе нашихъ частей отчаянное: голодные, раздѣтые, озлобленные, во все потерявшія вѣру. Да, Аннушка, и мы, и мы тоже — большинство явно, меньшинство скрытно — мы тоже переживаемъ это величайшее крушеніе. Пораженіе на войнѣ не страшно, въ концѣ концовъ это дѣло удачи и случая. Страшна эта полная потеря вѣры въ дѣло, ради котораго предалъ и себя и близкихъ. Аннушка, одна кровь, одна мерзость, одна жестокость. Жестокость съ обѣихъ сторонъ, но съ той она оправдана цѣлью, — у насъ же ничего: ни вѣры, ни цѣли, одна труха... Нашъ русскій духъ быть всегда двойствененъ, но теперь я чувствую, что двойственность эта обрѣла самую мучительную и конечную форму — не въ томъ, что онъ раздѣлился на красный и бѣлый, а въ томъ, что самъ я раздвоился: я тоскую по осознанности цѣли у нихъ, чувствую, что въ ней именно ихъ

утвержденіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ я все еще полонъ вражды къ нимъ за наше крушеніе... Сейчасъ прискакалъ ординарецъ съ донесеніемъ. Страшно, Аннушка, подумать, что будетъ съ нами, что будетъ съ тобой. Да хранить тебя Богъ. Кончаю письмо.

Это сказъ о слѣпцѣ Агафанилѣ, о срубѣ кедровомъ въ суземахъ таежныхъ. Шелъ слѣпецъ Агафанилъ, старикъ кволий, ликомъ черный, съ палкой чугунной; проходилъ селами, проходилъ аулами киргизскими — выносили ему въ селлахъ хлѣба теплаго, кормили въ аулахъ киршакомъ — сыромъ овечьимъ, — шла по селамъ чалдонскимъ, по ауламъ киргизскимъ, по селеньямъ нѣмецкимъ — шла вѣсть: вотъ идетъ слѣпецъ Агафанилъ, божій посланникъ, несеть на землю большой хлѣбъ, несеть скоту большой приплодъ, хорошо брюхатѣютъ женщины — идетъ Агафанилъ, заступникъ сибирскій. И сгинулъ Агафанилъ: прошелъ селомъ торговымъ, поѣлъ на околицѣ съ ладони лежалый хлѣбъ, — не стало на утро его ни на дорогѣ сибирской, ни въ селлахъ, — ушелъ въ тайгу. Въ тайгѣ во срубѣ кедровомъ сталъ жить, медомъ дикимъ, орѣхомъ кедровымъ питаться. Зимами несеть пургу, свиститъ, кружитъ хайюсъ паволоку мятельную, не пройдешь въ тайгу, не проѣдешь, — живетъ въ тайгѣ, въ срубѣ кедровомъ заступникъ, за все молить, за землю сибирскую, за рѣки сибирскія — за Иртышъ голубой, за Томъ хмарую, за Енисей многоводный — молить за все: чтобы тученъ былъ хлѣбъ, чтобы рѣка не мелѣла, чтобы крыли во-время быки коровъ стадныхъ. Сидитъ разъ заступникъ Агафанилъ, сидитъ на крылечкѣ въ пору духовитую, въ весну сибирскую, въ май золотой — таежный. Смолою стеклянной кедръ янта-

ряты, бѣлка за бѣлкою прядаетъ съ вѣтки на вѣтку, уже вылизала начисто медвѣдица весенній приплодъ — медвѣжатъ малыхъ, идетъ по тайгѣ, сучья ломаетъ, горячимъ пометомъ слѣдъ указываетъ; уже зацвѣтаютъ поляны золотымъ горицвѣтомъ и ирисомъ синимъ — сидитъ Агафаниль, пчелы жужжатъ, въ бородѣ его путаются. Бѣжитъ сѣрякъ, бѣжитъ заяцъ таежный, весь опушился, задъ бѣлый вскинетъ, носомъ поводитъ, ухо натырчитъ, слушая. Видитъ: сидитъ старецъ, бѣлмы закатилъ, слушаетъ: весну слушаетъ, радость звѣриную слушаетъ, ростъ деревъ слушаетъ. А заячье дѣло какое: зайцу все любопытно, до всего интересъ. Ухо бѣлое вывернулъ, сѣлъ, говоритъ: — Ты старецъ Агафаниль, сибирскій заступникъ? — Я старецъ Агафаниль. — Въ тебя люди и звѣри вѣрують? — Въ меня вѣрують. — А я вотъ, заяцъ, сѣрякъ таежный, не вѣрю. Очень мнѣ любопытно чудо твое посмотреть: сдѣлай такъ, чтобы наѣлся я до отвалу кочерыжки сладкой — тогда повѣрю. — Говоритъ старецъ: — А зачѣмъ тебѣ вѣрить? Жилъ безъ вѣры до сей поры, дальше проживешь. — Очень я любопытный. Охота мнѣ все посмотреть, кочерыжки поѣсть до отвалу. — Глядь: кочерыжки полнымъ полно. Сѣлъ сѣрякъ ѣсть, а кочерыжки на сто миллионъ зайцевъ хватить; говоритъ сѣрякъ: — Больше не могу я, расперло всего. — Говоритъ старецъ: — Теперь вѣруешь? — Вѣрить то вѣрю, а только никакъ съ мѣста не сойти, отяжелѣлъ очень. — Говоритъ старецъ: — Боюсь я, какъ бы ты ума своего не заѣлъ, надулся очень. Бѣги что есть мочи, пока не полегчаетъ. — Сталъ заяцъ бѣгать, до вечера бѣгаетъ, ночью бѣжить. А ночью тайга страшная: пни — лѣшіе корягами дорогу перегородили, выпь

ухнетъ — страшно стало зайцу: бѣжитъ, чтобы ума не заѣло, — а вѣтви качаются, лѣшіе кудахчутъ, выпь ухаеетъ — такого страху набрался къ утру, что на всю жизнь со страхомъ такъ и остался. Отсюда и повелся страхъ заячій: отъ сыти, отъ ума заѣденнаго. Вотъ с к а з ъ о заступникѣ сибирскомъ Агафанилѣ.

Стоитъ въ тайгѣ срубъ кедровый, крыша замшѣлая, икона копченая: ни оконъ ни дверей. Жилъ прежде по с к а з у заступникъ, Агафанилъ, пчелъ созывалъ, звѣрей собиралъ, — идутъ тайгой, идутъ путемъ лютымъ — люди идутъ. Куда идутъ — въ рогожахъ, въ тряпѣ, верхами ѣдутъ, лежатъ въ кошевняхъ, ноги стылые подогнувъ.

Молитва: — Заступникъ нашъ, надъ кедрами, надъ тайгой, надъ небомъ зимнимъ: изъ приземной, горя земного, страстей земныхъ вынь насъ, научи искусству твоему: птицъ скликать, звѣрей приручать, научи насъ ласкъ твоей. Ахъ, Аннушка, какая кровь, какое страданіе, какая боль чувствовать себя человѣкомъ. Звѣрь въ чащѣ счастливѣе насъ — у него есть домъ и законъ его жизни, по которому онъ живетъ. Мы же перешли всѣ законы жизни нашей, мы бездомны, мы шелуха, которую несетъ вѣтеръ.

Диспозиція по показаніямъ чалдоновъ. Чалдоновъ съ лыжами перехватили, велѣли вести: — по стволамъ справа свѣтлымъ идти — выйдешь къ заимкѣ, по слѣду медвѣжьему — выйдешь въ село богатое.

Рѣка подо льдомъ голубая, горы на закатѣ горятъ, спитъ рѣка подо льдомъ, — ниже все и ниже несетъ вѣтеръ низовой курушку — будетъ пурга, будетъ метель. Надъ заимкой рветъ вѣтеръ дымокъ, клонитъ сосны со скрипомъ, — живутъ въ заимкѣ звѣроловы:

чуть ободняетъ, поголубѣтъ морока, скрипять уже ворота тесовыя, скользятъ звѣроловы неслышно на лыжахъ оленьихъ, тѣнями провѣютъ — съ силками, съ кремневыми ружьями — идутъ за добычею. Много звѣрья, много силы въ тайгѣ: прокрутить петлями лиса съ хребтомъ сѣдоватымъ, съ подпалинами бурыми, закричитъ хорекъ голосомъ человѣчьимъ съ лапкой въ силкѣ, ухнетъ глухо за выстрѣломъ, и упадетъ къ ногамъ пушистая, теплая бѣлка.* Скользятъ назадъ неслышно съ добычею, вечеромъ сидятъ у огня — пьютъ звѣроловы спиртъ, сладко хмелѣютъ отъ вина и удачи. И ниже все, ниже несетъ низовой вѣтеръ курушку, вотъ подъ вечеръ скрипять окаянно сосны — сползаетъ съ вершинъ, сползаетъ съ хребтовъ монгольскихъ — пурга. Несетъ и несетъ куру, дымомъ снѣжнымъ небо темнить, бѣжить звѣрь въ берлогу, забивается бѣлка въ дупло, хохлится птица подъ корнемъ, подъ корягой лѣсною. Закружило кружелью, завыло, понесло, разорвало чрево ватное облачное, пухомъ холоднымъ не-сетъ, несетъ, заметаешь землю. Три дня реветъ пурга, сидятъ звѣроловы въ заимкѣ, пьютъ спиртъ, спятъ люто, поютъ пѣсни, забиваютъ пыжи, насыпаютъ порохъ. Обезсилить звѣрь за пургу, наголодается, не будетъ сторожкимъ — полѣзетъ съ голодухи въ силки. И воеетъ еще пурга третью ночь, но глуше, спадаетъ, — къ утру: тишь, стиль, стоитъ тайга занесенная. Уже курится дымокъ надъ заимкою, встаютъ звѣроловы, скользятъ вскорѣ на лыжахъ, скользятъ въ мгу таежную, въ пурговую стиль. Идутъ и идутъ окружемъ: уже много бѣлки набили, пушатится за поясомъ зимнею шерсткою, прокричалъ въ силкѣ сѣрякъ осторож-

ный, — и лисымъ слѣдомъ идутъ, лису выслѣживаютъ, петлю за петлей разматываютъ.

— Эге, Микола, братъ.

— Здѣсь я.

— Гляди, важный звѣрь муруетъ, дышаетъ, видишь?

— Вижу.

Присѣли оба, глядятъ: вьется, вьется дымокъ, лежить звѣрь засыпанный, дышитъ.

— Раскапывай, эй. Раскапывай, мотри. Держи кремень на расходѣ.

Слѣпитъ розсыпь снѣжная, летитъ, гуще дымокъ, важный звѣрь дышитъ.

— Братъ. Э, братъ! Видѣлъ? Человѣкъ дышаетъ, видѣлъ.

— Ага, копай, братъ, раскапывай, мотри.

Еще молитва:

— Я былъ, я есмь. Я узналъ смерть, и я увидѣлъ жизнь. Что случилось съ другими? — Нашли смерть подъ снѣгомъ. Я же живу, я благословляю жизнь. Утромъ я слышу свѣжій стукъ топоровъ, пахнетъ смолой, рѣка подо льдомъ голубая. Я вижу вѣчный безмѣрный просторъ, на которомъ все же такъ тѣсно человеку. Аннушка, Аннушка, вѣчно живая, вѣчно безсмертная, подо льдами, подъ снѣгомъ, подъ послѣднимъ отчаяньемъ живетъ, живетъ жизнь вѣчная, единственная, благословенная.

Степь, степь. Ковыль, ковыль скиѣскій. Надъ степью стервятникъ: кружить, кружить, опустился на конскій костякъ, сидитъ, смотритъ желтымъ глазомъ. Костякомъ конскимъ усыпана степь, — безлюдье: пожгло хлѣбъ, пожгло травы, голодъ великій. Пол-

зеть черезъ голодь великій, черезъ степь, черезъ Русь — ползеть поѣздъ, грязный, людьми обвѣшанный: везеть тифъ. Лежать вповалку на станціяхъ грязныхъ, съ окнами разбитыми — лежать вповалку шинель на шинели, мѣшокъ на мѣшкѣ: ждуть — день ждуть, недѣлю ждуть. Ночью, во тьмѣ идетъ въ поѣздъ погрузка: — уг-у... а-а... я-ть... — До разсвѣта стоитъ поѣздъ: съ мороккой, со мгой дождевою реветъ, ползеть дальше. И въ тьмѣ, въ вагонѣ, гдѣ люди, мѣшки, вши — все перемѣшано:

— Ахъ, галахъ, галахъ, ну лазъ ужъ подъ низъ... чего тутъ.

— Ну?

— Онъ, милый ты мой, онъ самый — Микола Угодникъ.

— Ну?

— Вотъ, милокъ, правда ужъ. Гляжу, а онъ стоитъ, ручки сложилъ, на меня смотреть.

— Ну?

— И вѣнчикъ, милокъ, и вѣнчикъ. Такая благодать, даже духъ захватило.

— Самъ то откуда?

— Монастырскій я, милокъ, монастырскій. Какъ монастырь забрали, всѣхъ разогнали, пошелъ я, милокъ, счастья искать. Вездѣ, милокъ, искалъ и въ милиціи, и въ трамотѣ, — нѣтъ мнѣ счастья, милокъ, — однимъ и паекъ, и окладъ боевой, а мнѣ все на карточкахъ, все на карточкахъ. Люди, милокъ, и хлѣбъ бѣлый и ма-слице, а мнѣ все въ столовой совѣтской, все въ столовой совѣтской. Вотъ и качусь, милокъ, дальше качусь, милокъ, счастья искать качусь, милокъ.

— Галахъ.

— Ага.

— А струпъ откуда?

— Струпъ не заразный, не бойсь. Струпъ самый даже обыкновенный.

— Боюсь я.

Ползеть, ползеть поѣздъ: спать люди, посипить паровозъ, на станціи мокрой вздохнетъ, станетъ на ночь — утра дожидается. Въ вагонъ штабномъ на скамейкахъ валетами: люди командировочные, люди мандатные. Въ вагонъ штабномъ на полкѣ верхней — вале томъ унылымъ военспецеъ Гоголевъ, тотъ военспецеъ, который про Пушкина сказалъ человѣчку въ шапкѣуханкѣ самое страшное. Военспецеъ Гоголевъ спитъ; къ военспецу Гоголеву отъ образа его перевернутаго — сосѣда коечнаго, командировочнаго, въ три часа ночи, когда стоитъ поѣздъ на мокромъ полустанкѣ, на томъ самомъ, гдѣ снялъ съ цистерны кондукторъ татарина мертваго, — въ три часа ночи переползаетъ къ военспецу Гоголеву большая сѣрая тифозная вошь. Вошь долго ползетъ, размышляетъ, заползаетъ въ рукавъ, — въ три часа ночи въ вагонъ штабномъ, на мокромъ полустанкѣ, военспецеъ Гоголевъ чешется во снѣ, садится, высѣкаетъ кремь зажигалки, лѣзетъ въ рукавъ, ищетъ, выворачиваетъ — находитъ сѣрую вошь. Военспецеъ Гоголевъ даетъ вшѣ всползти на бумажку, подносить къ огню, вошь чернѣетъ, пухнетъ, лопається съ трескомъ. Затѣмъ тьма снова, въ тѣмѣ — скребетъ и вздохи, — въ пять утра сипитъ паровозъ, трогается поѣздъ дальше. И снова, и дальше: ковыль, ковыль, степь, степь, голодь, голодь, тифъ, тифъ.

Военспецеъ Гоголевъ черезъ пять дней въ Москвѣ ходилъ на занятія, готовилъ на печуркѣ, объяснялъ,

что есть уставъ гарнизонный; потомъ, на день двѣнадцатый, не пошелъ на занятія, а остался въ постели подъ шинелью, газетами и одѣяламъ; во рту его пахло резиной, губы сохли.

Тифъ: на вѣкахъ вата, день сквозь нее въ туманѣ — и день ли. Пальцы вдругъ проросли сухими корешками, корешки тягучіе, тянешь, тянешь—рукъ не оторвешь отъ одѣяла шершаваго (лѣзетъ въ ротъ, колется сухо). Какъ поѣздъ (или кровь)... размѣняйте бумажки мои. А бумажки то новенькія, двадцатипятирублевенькія... То-есть, не двадцатипятирублевенькія, но двадцати пяти... пяти... фу, слово глупое, — и усталъ, и языкъ резиновый, а все двадцатипяти... пяти... Охъ, хитрый народъ сосѣди: всего окопали... пальцы корешки пустили, и пальцы окопали. А на пальцахъ вдругъ — цвѣты, незабудки. Военспецъ, а на пальцахъ незабудки... то-есть... Ничего не то-есть. То-есть — это по-польски; по-русски: это есть. Дрянной народъ полячишки, ахъ, дрянной народецъ полячишки... Солдаты поютъ:... шли солдаты въ лагери, по нимъ дѣвчонки плакали... вотъ когда голова ватная, главное — голова ватная, теплая, мягкая, ватная, ватная... дѣвчонки плакали: вернитесь, милые, назадъ, додѣлывать своихъ ребятъ... Пѣсня дурацкая: развѣ можно ребятъ додѣлывать... кому ручку, кому ножку, кому цѣлое дите. — Ахъ, хитрые сосѣди—все окапываютъ, окапываютъ—это отъ вшей: вши расползутся. А вши изъ каждой точки, изъ ушей, изъ носа, подъ мышками... И опять солдаты идутъ: чубарики, чубаре-ки... чубарекъ — обязательно четыреугольный. Все слова съ цвѣтомъ: чека — вотъ черное, чекъ на тотъ свѣтъ — фу, какъ глупо.

А гувузь — грузный, грузовикъ, — совнархозъ — мучной, пухлый...

— день десятый: пальцы проросли корягами. Жилецъ Иванъ Ивановичъ, сосѣдъ, все путаетъ: вмѣсто **хоругвь** — говоритъ хирургъ, вмѣсто пепель — перепель. Въ животѣ булькаетъ: завелись лягушки черненькія —

— день тринадцатый: вдругъ — лицо у лица, лицо Любы (Люба—старшая сестра), лицо постарѣло, морщинки, но милое, милое, такое близкое, глаза близорукіе. Коряги съ пальцевъ отпали, на концахъ пальцевъ только слѣдъ легкій. Говорить сестра: — Колюшка... — Какъ — Колюшка? Военспецъ Гоголевъ, товарищъ Гоголевъ—Колюшка, какъ мать звала—Колюшка,—онъ, военспецъ Гоголевъ, который ѣхалъ въ штабномъ черезъ степь, черезъ голодъ, черезъ тифъ. Колюшка — развѣ пишется въ мандатахъ — Колюшка. Боже мой, Боже мой, откуда такая радость, отчего такая жалость, откуда такая любовь. —

— день пятнадцатый: рука на одѣялѣ, такая исхудавшая, съ синими жилами, но живая, живая рука: она хочетъ жить, дѣлаетъ движенія, перебираетъ пальцами. Главное—жизнь. Ощущеніе жизни, какъ воздуха: она входитъ въ ноздри, въ ротъ, въ уши, пахнетъ соленою свѣжестью, быстро растутъ ногти, борода на щекахъ вьется, изъ желудка, булькавшего сухими черными лягушками, исходитъ прочное тепло —

— вечеромъ: — Люба, Люба, я теперь понимаю, что это не болѣзнь, а испытаніе духа. Когда человекъ хирѣетъ, вянетъ, не вѣритъ жизни, тогда нужно обновляющее испытаніе. Люба, я думаю, зачѣмъ, зачѣмъ идетъ солдатъ снова и снова въ кровь, въ голодъ, дерется въ опорахъ, когда всѣ такъ устали, измучены,

когда нѣтъ силъ... Потому что онъ тянется къ обновленію, понимаетъ, что за кровью, за борьбой, за сидѣньемъ въ окопахъ — есть міръ, ощущеніе земли прочной. Пожалуйста, пожалуйста, читай мнѣ Пушкина, я долженъ все вспомнить, я сказалъ Страшунцеву, что Пушкинъ совсѣмъ не великъ —

— вечеръ двадцать первый: въ печуркѣ угли, чайникъ урчитъ, крышка на немъ подрагиваетъ. Пушкинъ (чтеніе):

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ,
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тѣмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу...

— Военспецъ Гоголевъ. Вы военспецъ, товарищъ Гоголевъ?

— Я Гоголевъ. А вы кто, товарищъ?

— Гробовщикъ, Яковъ Ивановичъ.

— Что вамъ нужно?

— Мѣрочку снять.

— Съ кого?

— Съ васъ.

— Зачѣмъ?

— Кончились.

— Кто кончился?

— Вы кончились.

— Какой вздоръ. Я выздоровѣлъ. Мнѣ вчера весь вечеръ читали Пушкина.

— Никакъ нѣтъ-съ. Насчетъ Пушкина не знаю, а только кончились. Сегодня, на разсвѣтѣ, въ пятомъ часу. Пожалуйте мѣрочку и въ очередь.

— Въ какую очередь?

— Извѣстно въ какую. Похлопотать насчетъ по-

гребеньца. Хлопотать за васъ некому.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы смѣтаете надо мною? Вѣдь я выздоровѣлъ, выздоровѣлъ совершенно. Всѣ коряги съ пальцевъ отпали, и у меня растутъ новые ногти.

— Ошибочка вышла. Это бываетъ. Пожалуйте въ очередь, въ отдѣлъ погребальныхъ предпріятій.

— Неужели я такъ ошибся, неужели я такъ ошибся...

— Не извольте двигаться. Аршинъ три четверти. Гробикъ аршинъ три четверти. Пожалуйте въ очередь.

Военспецъ Гоголевъ надѣваетъ шинель и идетъ въ очередь, въ отдѣлъ погребальныхъ предпріятій. Чередъ стоитъ на лѣстницѣ — все знакомые: военспецы Трофимовъ и Граббе, погибшіе на Дону, портной Самсоновъ Яковъ Семеновичъ (передѣлывалъ шинель за муку), часовой мастеръ Зунделовичъ со стеклышкомъ въ глазу, какъ сидѣлъ тридцать шесть лѣтъ. Наконецъ, очередь доходитъ до Гоголева, барышня съ усиками опрашиваетъ его и даетъ разрѣшеніе на похороны на Ваганьковскомъ. Яковъ Ивановичъ, гробовщикъ, встрѣчаетъ у дома, ведетъ за собой, кладетъ въ некрашенный гробъ и везетъ на салазкахъ; иногда устаетъ, курить, предлагаетъ папироску: оба садятся на крышку гроба и курятъ. На Ваганьковскомъ тоже очередь: Яковъ Ивановичъ сдаетъ ему гробъ, говоритъ, чтобы самъ становился въ очередь покойниковъ. Бывшій генералъ сердится, приказываетъ встать позади него, какъ младшему по чину въ старой арміи, но подходитъ матросъ, умершій отъ ранъ, и говоритъ генералу, что отправить его въ Чека. Генералъ пугается и отходитъ (сонъ, 24-я ночь).

Пробужденіе: солнце, зимній день, дымокъ надъ чайникомъ. Пушкинъ, звенящій, любимый, великій. Любовь, любовь, жизнь, жизнь.

И поють, поють: — какъ пѣли на торжищахъ, когда везли на баркахъ просмоленныхъ мѣнять: жито и мѣдь, похаживали купцы кареглазые, — похаживаетъ теперь чудь бѣлоглазая, — поють калики перехожіе:

Безумне, окаянне человѣче.

Житіе временное, слава суетная,

Красота тлѣнная, богатство, дружи,

Все оставимъ и гробъ, гробъ воспримемъ.

А Русь все та же—суглинкомъ, дорогами, перелѣсками; летитъ воронье надъ краемъ вечернимъ, надъ избами черными, гдѣ поють, поють въ глухіе вечера избяныя лучинныя пѣсни; и громыхаетъ по кочкамъ, по буеракамъ, громыхаетъ телѣга свадебная, кричатъ подружки пѣсню свадебную, везутъ молодыхъ. Бѣжитъ кобыла костистая, ленты въ хвостѣ, ленты въ гривѣ: — Большая дороженька, колесами укатана, чоботами утоптана... — Сторонушка родимая, невеселая, суглинная Лежишь вдоль путей желѣзныхъ все та же сермяжная, ползутъ поѣзда, шумятъ города, — въ избахъ черныхъ горитъ лучина, спятъ съ овцами, чешутся, лежитъ дѣдъ на печи, лежитъ мшальный, столѣтній. Со знаменами красными, съ музыкой идутъ въ городахъ, — лежитъ дѣдъ на печи, ухо клонитъ, слушаетъ разговоры — разговоры лучинные:

— Съ стороны мы голодной, со стороны мы незнаемой, съ земли мы русской. Много дорогъ исходили мы, много горя узнали мы, голодь узнали лютый. Ъли мышъ и псю всякую, ѣли кору долбленную, ѣли мохъ берестяный, размачивали хомута, дѣлали стюдень, холодное дѣлали. Думали мы — пришелъ конецъ намъ, пришла намъ лихая бѣда. Думали мы — уготована по-

гибель намъ страшная, уготована погибель сторонѣ нашей, ни на что не надѣялись. И пошли мы въ путь, пошли въ дорогу дальнюю. Шли болотами и степями шли, большаками шли и проселками — и всюду страдуетъ человѣкъ, и всюду вѣру въ себѣ держитъ, и всюду борется, и всюду жизнью своей дорожится. И вотъ идемъ мы, люди милые, идемъ по землѣ русской, и говоримъ вамъ, люди милые: нѣтъ лучше сторонушки, всюду живъ человѣкъ, и всюду страждетъ и муруетъ, говоримъ вамъ — горе наше — переносное, родить земля много — и всѣ будемъ сыти, и другимъ довольны — въ сыти легокъ человѣкъ, въ сыти мягокъ, а вы, люди милые, къ человѣку голодному лѣните, и будетъ отъ этого жизнь прелестная, сытой будетъ сторонушка наша голодная.

Говорить дѣдъ съ печи:

— Сладко поешь, дятель, и я заслушался. А ты, дятель, знаешь, голодъ откуда, въ Рассеи откуда голодъ. Я тебѣ скажу, дятель, я тебѣ скажу укромно, укромно скажу, только не вѣй. Все скажу: и голодъ откуда, и война откуда, и смута откуда. Слухай, дятель. Былъ лѣсъ керженскій, и жилъ въ лѣсу томъ дуपляной, самъ страшный. Обиды никому не дѣлалъ, медомъ осымъ питался, въ родѣ какъ лѣшій. И былъ мужикъ молодой Ермакъ. Полюбилась Ермаку лѣсовица, такую къ ней горячку возымѣлъ, что вовсе отъ дома отбился. Ладно. Ты, дятель, кумекай, все раскумекай. Пошелъ Ермакъ въ лѣсъ, видитъ—идетъ лѣсовица, волосье до пупа, а ликомъ пригожая. Говоритъ Ермакъ:— Пстой, лѣсовица. Очень я до тебя горячку имѣю, извелся вовсе. Говоритъ лѣсовица: — Ахъ ты, сукинъ сынъ, мужикъ бусурманскій, да какъ же тебѣ не стыдно

отъ родной жены бѣгать. Отвѣчаетъ Ермакъ: — Кровь у меня горячая, мнѣ одной жены мало. Слухай, дятель, дальше. Отвѣчаетъ лѣсовица ему: — Ну, коли такъ, приходи ко мнѣ въ ополночь, къ вязу широкому, ужъ такъ и быть уважу. — Ладно. Приходитъ Ермакъ въ ополночь къ вязу широкому, говоритъ ему лѣсовица: — Ну, мнѣ дѣло такое на виду соромно, полѣзай въ дупло. Ермакъ въ дупло полѣзъ да осѣе гнѣздо разбередилъ. Поднялось осѣе, жужжить, чуть его до смерти не искусало, да такъ и жужжить до сихъ поръ, отроилось, а сѣсть не можетъ. Понялъ, дятель? Ну, слухай. Ермакъ — это Ерманъ, а лѣсовица Рассея, вотъ что. А осѣе — смута жидовская, смута татарская, сила Емелькина. Въ оно, дятель, что. Я это дѣло во какъ знаю. — Клонить дѣдъ съ печи голову, говоритъ шепоткомъ: — Укромно скажу тебѣ, дятель, ужъ укромно скажу: живъ Емелька, пока притаился, часа своего разбойнаго дожидается, пойдетъ вольницей по всей Рассеи, по Сибири, по Кавказу, всюду пройдетъ. Ты нишкни пока, дятель, пока нишкни.

Идутъ калики дальше, идутъ по вѣсямъ, разносятъ вѣсть тайную: живъ Емелька, ждетъ своего часа разбойнаго.

У дьякона Кожаные Карманы — вечеромъ: (у дьякона — карманы кожаные, чтобы варенье носить: дьяконъ лакомка — беретъ за потребу, за поминанье — вареньемъ, прямо въ карманы). — Дьяконъ: — Живъ, говоришь, Емелька-то? —

— Живъ.

— И я думаю: живъ. А только нѣтъ ему больше воли. Черные попы за него, а красные противъ него: теперь ему воли нѣтъ.

— Какіе красные?

— Совѣтскіе. Я, къ примѣру, теперь красный дьяконъ, совѣтскій. А что означаетъ совѣтскій? Означаетъ, что долженъ носить камилавку красную и о здравіи поминать св. угодниковъ: Карла Маркса, Интернаціонала и Коммуну.

— Не слыхалъ я такихъ угодниковъ.

— Угодники красные, человѣче, самые настоящіе, и насчетъ мощей никакого обману.

— Дьяконъ, а дьяконъ!

— Ну?

— А зачѣмъ тебя Кожаные Карманы величаютъ?

— Слуги Антихриста величаютъ.

— Дьяконъ, а дьяконъ!

— Ну?

— А зачѣмъ варенье въ карманахъ таскаешь?

— Полагается по штату, тьфу, сатана, тьфу, дьяволь, сгинь, сгинь.

Два брата-поповича, псаломщикъ Саламатинъ солдатку безродную, гулящую Марфу подговорили: о здравіи заказать Созонта. Дьяконъ о здравіи Созонта возглашалъ, кадилъ, — солдатка послѣ поклонилась низко, просила не взыскать, что по бѣдности варенье на патокѣ, — дьяконъ кожаные карманы подставилъ, полную крынку въ карманы опрокинулъ (поповичами и псаломщикомъ Саламатинымъ начиненную), — дьяконъ вечеромъ ногами топалъ, визжалъ, карманы кожаные вывернулъ, кипяткомъ шпарилъ, — поповичи округъ дома народъ собрали, въ окна заглядывали, говорили — исходитъ дьяконъ чортомъ краснымъ, Дьяконъ отъ тоски заболѣлъ, лежалъ ночью съ мокрымъ полотен-

цемъ, — псаломщикъ Саламатинъ сажею вымазался, пришелъ, сѣлъ на постели.

— Ты кто? — спрашиваетъ дьяконъ.

— Я красный угодникъ, Карла Маркса.

— Зачѣмъ пришелъ?

— За тобой пришелъ. Чтобы Емельку одолѣть, надо тебя на огнѣ разложить, пока не пойдешь пузырями красными, тогда сгинетъ Емелька.

Дьяконъ на постели сѣлъ, завизжалъ, свихнулся. Черные попы говорили: —

— Свихнулся дьяконъ Кожаные Карманы, свихнулся совѣтскій дьяконъ. Такъ тому и быть — всѣ свихнутся на вѣки вѣчные, придетъ Емелька — Емелька за поповъ черныхъ крѣпко стоитъ — и кончится смута. Кончится смута, обѣдню отслужать — по всѣмъ красными убиеннымъ. А кто бѣлыми убиенъ — колѣ имъ осино-вый, такъ и надобно. Аминь.

Встрѣтились двое: Оспа и Тифъ на дорогѣ проѣзжей. Сѣли, поговорили:

— Далеко идешь?

— Близехонько. А ты?

— И я близехонько.

— Чуръ, вмѣстѣ не заходить, — другъ за другомъ.

— Всѣмъ дѣла хватить.

— Для порядка.

— Ладно.

Посидѣли, разошлись. На проселкѣ березы шумѣли. Хорошо на Руси березы шумятъ: надъ живыми — духомъ медоноснымъ вѣютъ, стрекотомъ стрекозинымъ шуршатъ; надъ мертвыми — сучья клонятъ, разводятъ, поминаютъ. Укромно прохожему посидѣть подъ березою: духъ вольный, шумъ сладкій. Онучи размо-

таетъ, сидитъ, пальцами сопрѣвшими пошевеливаетъ, слушаетъ шуршанье березовое, слушаетъ райскій шумъ. Посидитъ — духъ отведетъ, отойдетъ сладко, глазами глядѣть округъ обыкнетъ: тишина, стожки, деревенька кволая — сторона расейская. Хлѣба чернаго пожуетъ съ ладони, къ роднику припадетъ, напьется воды студеной — идетъ далѣе. Тиха Русь вечерняя. Воронье пролетѣло, заря желтая. Стоятъ овины тихіе, посвистываетъ вѣтеръ въ хоботѣ, выбѣжала мышь сѣрая изъ омета, пробѣжала кругомъ. Дождикъ сѣренькій, дождикъ тихій. И далѣе идетъ, посохомъ землю мѣритъ. И хоть тѣ же овины, и тѣ же облака перловыя надъ лугами и водами, — стоятъ избы черныя, ходятъ по избамъ подруги — ходятъ Оспа и Тифъ. Лежитъ покойникъ въ избѣ: носъ бѣлый, точеный, на лбу сыпь вѣнчикомъ розоватая, — отмаялся, сложилъ руки худыя, ступни смежилъ острыя, — несутъ его поутру въ сосновомъ гробу. Погостъ старый по склону далеко пошелъ крестами сосновыми, крестами новыми: сторожать хозяева добрые свое добро — сторожать: Война, Голодъ и Моръ. Говоритъ покойникъ. —

— Здравствуйте, хозяева добрые, вотъ пришелъ я къ вамъ смирный и бѣлый, примите меня.

Кланяется Война, кланяется Моръ:

— Добро пожаловать.

Говоритъ покойникъ:

— И отчего это, хозяева добрые, отчего это — никакъ не пойму: хоть и маялся на войнѣ я три года, и голодовалъ три года, и семь недѣль болѣзною маялся, а нѣтъ моей охоты помирать, хочу пожить еще, хоть и голодно, а пожить?!

Отвѣчаютъ трое, отвѣчаютъ разомъ:

— Для того и мы, чтобы крѣпко о жизни помнили, крѣпко возлюбили ее и грѣшную, и голодную.

И идетъ человѣкъ въ землю: трое копаютъ, четверо ленты готовятъ. Звенятъ лопаты, землю бросаютъ, костякъ, доски сгнившія гробовъ прадѣдовъ. Стоитъ крестъ новый сосновый, желтѣетъ заря, кричитъ воронье.

Къ Егорію, по веснѣ, набрюхатѣвшись, рожаютъ бабы, телится скоть. Къ Егорію выгоняютъ скоть шершавый, бредетъ отощавшій, за зиму обросшій. Орутъ сосуны въ избахъ, и вынимаетъ мать молодая молочную, вынимаетъ тяжелую, тугой почкой набухшую, припадаетъ сосунъ къ почкѣ коричневой, чмокаетъ, тянетъ теплую силу, наливается крѣпостью. Уже ошершавились жеребята, бѣжитъ телка за матерью, рябая какъ мать, — и бродитъ округъ, бродитъ быкъ сивый, отецъ могучій: и рябыхъ, и рыжихъ, и бурыхъ. Стоитъ на болотѣ цапля, ногу поднявъ, и летитъ ужъ окружемъ кобчикъ, кружитъ и кружитъ надъ лѣсомъ, пухомъ зеленымъ опушеннымъ, зацвѣтающимъ щебетомъ птичьимъ. Бродитъ, бродитъ жизнь неумная, наливается цвѣтомъ тугимъ надъ гатями и проселками; дрожитъ, дрожитъ стрекоза, льется крыльемъ цвѣтистымъ надъ крестами сосновыми, и плывутъ по водѣ въ день изумрудный, въ день Троицынъ дѣвичьи вѣнки.

За путями дальними, за степями ковыльными (бѣжитъ, бѣжитъ ковыль скиѣскій льняною волной), на путяхъ запасныхъ дымки надъ вагонами: живутъ люди въ вагонахъ, движутся кочевьемъ великимъ, движутся на мѣста новыя, на мѣста сытыя — изъ мѣстъ голодныхъ. Бредутъ вагоны, поютъ буксами, стоятъ на за-

пасныхъ по мѣсяцамъ, — дыматся дымки, живутъ люди, варятъ, шьютъ, умираютъ, рожаютъ. Сидятъ у вагона кругомъ, степь, степь, вѣтерокъ низкій, — мѣшаетъ старикъ въ котелкѣ, говоритъ:

— Сторона золотая эта, ужъ вѣрно говорю. Всего много и досыту: отъ зерна закромы ломаются, пшеница — крутая, зерно къ зерну, скота не перечесть, живутъ люди сытые, живутъ люди веселые. И чего человѣкъ страждетъ и борется — всѣмъ земли уготовано, всей земли не опашешь.

— А долго ѣхать до ей, до стороны этой?

— Мѣсяцъ проѣдемъ — и близко до ей станетъ, рукою подать. Ахъ, золотая сторона, и народъ веселый.

— Ужель и вправду голодовать не будемъ?

— Рази кто голодуетъ въ ей, въ ей всѣ сыты.

И помолчатъ, вздохнутъ, помолчатъ, на уголья смотреть: льются уголья краснымъ, червленнымъ золотомъ льются. Кричитъ паровозъ ночью: — Пу-уть, путь, путь—зеленый жукъ промаячилъ,—толкаетъ паровозъ на запасномъ, долго цѣпи скрипятъ, идетъ поѣздъ: идетъ въ ночь, идетъ по степи, зеленѣетъ надъ краемъ заря кроткая. Приходитъ подъ утро на станцію степную: степь, домикъ красный, вагоны съ пескомъ; дождикомъ сѣетъ. Выходитъ изъ домика одинъ, иззябшій, въ шинели, съ донышкомъ краснымъ, стоитъ, руки въ карманы, проходитъ другой иззябшій, въ шинели, съ пустымъ фонаремъ. Постоялъ первый иззябшій, рукою махнулъ. — Давай на запасную, — сказалъ подошедшему съ пустымъ фонаремъ: — Переселенческий — на пятую путь. Назадъ будемъ гнать, не принимаетъ губернія, сама голодуетъ.

Дождь, дождь сѣетъ, песокъ нижеетъ. Полыхнуло въ степи, прокатилось: гуломъ дальнимъ. Шинель плечомъ передернула, зѣвнула, сказала: — Номеръ седьмой, особаго назначенія. Усмирили возстаніе, нѣмцевъ смиряли, крѣпкій народъ.

Говоритъ въ вагонѣ старикъ:

— Слышь, опять тронули, дальше повезутъ. Теперь пойдетъ дѣло скоро, теперь гладко пойдетъ. Ахъ, братокъ, братокъ мой, до чего жизнь стала спорая. Всѣ копошатся, всѣ строятъ, до всего человѣкъ дойдетъ. Очень много любопытства въ немъ стало. Раньше жили, землю ковыряли, а теперь войной по всей землѣ разметало, все человѣкъ узналъ, — и неохота ему на одномъ мѣстѣ сидѣть стало. Все бы ему копошиться. И все человѣкъ надѣется, все надѣется и копошится отъ надежды. А съ надеждой — вся жизнь веселая, и маету съ надеждой нести легко.

Говоритъ парень:

— Вѣрно, дѣдъ, дождемъ, вѣрно — голодовать не будемъ?

Говоритъ старикъ:

— Ужъ такъ вѣрно, братокъ, ужъ такъ вѣрно, кончилась теперь страда наша.

Ѣдутъ всадники по степи, ведутъ плѣнныхъ: идутъ между всадниковъ въ шляпахъ соломенныхъ, въ башмакахъ тяжелыхъ, съ затылками красными, защищать коровъ своихъ крутосисихъ, лошадей крѣпкозадыхъ вставшіе. Везетъ ихъ подъ вечеръ номеръ седьмой — судить въ большой городъ. Стучать въ большомъ городѣ машинки, снуютъ люди, съ этажа на этажъ поднимаются—и лежить, лежить за чертой городовъ копошащихся, строящихъ, поющихъ на тысячи верстъ про-

водами, — лежитъ отъ слѣдовъ Тамерлана, отъ путей караванныхъ, на волѣ татарской, лежитъ страна скиѣ-ская, бѣгущая льянымъ ковылемъ. Идутъ калики перехожіе, поютъ:

А мы, нищая братья,
Мы, убогіе люди,
Должны Бога молити
За военна человѣчка.
А пощастъ яму Господь Богъ
По путямъ, по дорожкамъ,
При вяликою неволи,
А при крѣпкихъ каравулахъ,
Подъ тяжелою муницей,
При ночлегахъ, при впокояхъ, —

— идутъ, переходятъ ковылями, болотами, какъ брела Русь древняя, княжеская. И, какъ поютъ калики съ испоконныхъ временъ, какъ течетъ и течетъ ковыль бѣлый, за всею псею и распрями горитъ и горитъ жизнь живая, бѣжить ручейкомъ подколоднымъ подо всемъ горемъ людскимъ, отраивается и отраивается на трудъ новый, на заботу новую — по пути исконному, ковыльному, скиѣскому.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр

Повѣсть о многихъ дняхъ	7
Арфы	43
Ковыль скиѣскій	75

ИЗДАТЕЛЬСТВО

BERLIN W 50,
NURNBERGER STR. 65



„ОГОНЬКИ“

TELEFON:
STEINPLATZ 91-43

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ, Любовь къ далекой (проза).
ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ, Стихи (печатается).
БАЛЬМОНТЪ, Воздушный путь (проза).
БАЛЬМОНТЪ, Прснзенное облако, — стихи (печатается).
БОР. ПИЛЬНЯКЪ, Метелинка.
МОСКОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.
САВВАТІЙ, Танька (романъ).
САВВАТІЙ, Тетрадь въ сафьячѣ.
БЭРРИ, Бѣлая птичка (романъ).
САША ЧЕРНЫЙ, Живая азбука (рисунки MAD).
МАРИНА ЦВѢТАЕВА, Стихи къ Блоку (распродано).
М. ШКАПСКАЯ, Барабанъ Строгаго Господина (стихи).
И. ЭРЕНБУРГЪ, Опустошающая любовь (стихи).
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ, Возвратъ.
А. М. РЕМИЗОВЪ, Въ полѣ блакитномъ (II изданіе).
А. Н. ТОЛСТОЙ, Китайскія тѣни.
А. Н. ТОЛСТОЙ, Утоли моя печали.
М. ГЕРШЕНЗОНЪ И ВЯЧ. ИВАНОВЪ, Переписка ~~двухъ~~
двухъ угловъ.
Е. ЛУНДБЕРГЪ, Записки писателя.
ПОЛЯКОВЪ-ЛИТОВЦЕВЪ, Подъ знакомъ большевизма и
сіонскихъ протоколовъ. (Записки еврея) — печатається.
АНДРЕЙ СОБОЛЬ, Обломки (печатається).
МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ (Альманахъ).
А. Яковлевъ, Вл. Лидинъ, М. Козыревъ, П. Карповъ (печат.).
ВЛ. ЛИДИНЪ, Курга-баба. — повѣсть (печатається).



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Russische Bücherzentrale „Obrasowanije“ G. m. b. H.
Berlin W. 50. Nürnberger Strasse 65. Telefon: Steinplatz 91-43.

Складъ изданія:

Russische Bücherzentrale „Obrasowanije“ G. m. b. H.
Berlin, Nürnberger Strasse 65